

Неуемный консорт

Автор:

Юрий Иванович

Неуемный консорт

Юрий Иванович

Миры ДоставкиЗащита Звёздного престола #1

Еще совсем недавно он был круглым сиротой, одним из множества подданных Оилтонской империи. А теперь он Тантоитан Парадорский, принц-консорт, возлюбленный супруг принцессы Патрисии и фактический правитель крупнейшей империи Галактики. Однако самому Тантоитану от этого мало радости. Правитель есть правитель, ему даже мальчишник нельзя замутить, чтобы потом не огрести проблем... Впрочем, вчерашний космодесантник привык разбираться с проблемами. Ведь без пудовых кулаков и смекалки Звездный Престол не защитит...

Юрий Иванович

Защита Звездного Престола. Кн. 1. Неуемный консорт

Глава 1

3602 год, Оилтонская империя, пригород Старого Квартала

Заметив, как со спины к моему другу подбирается мрачный тип с челкой до подбородка и замахивается на него стулом, я бросился к месту событий, ловко перехватил убойный предмет мебели в наивысшей точке и заодно развернул

клиента лицом к себе. Затем нанес ему в треть силы прямой удар в солнечное сплетение. Ударил бы сильней – убил бы, а так потерпевший только повалится в собственной непереваренной пище с полчаса да оклемается. Зато в следующий раз будет знать, как неправильно стулом пользоваться! Раз уж тут без оружия все дерутся, пусть соответствует и не подличает.

Затем я осмотрелся, удовлетворенно крикнул от вида весело продолжавшейся драчки и с чувством выполненного долга вернулся на свое место. И сразу закинул себе в горло очередную порцию моего любимого напитка. Здорово! Давно я так не веселился!

Да и что может быть лучше настоящего, бурного, полного приключений мальчишника?! Правильно! Только мальчишник, растянувшийся на неделю! Тем более когда он проводится с лучшими друзьями. И тем более когда для участия в нем приходится преодолеть такие трудности, что превышают многие подвиги. Ибо вырваться от супруги, которая, ко всему прочему, заведует всеми секретными службами, – дело ой как непростое. Книгу можно написать, как я хитрил, изгалялся и скрытничал, но факт остается фактом: я здесь!

Конечно, возраст у меня уже не тот «юношеский и полный бесшабашности», почитай, на десять лет старше стал со времен молодецких излишеств, да и положение обязывает быть солидным до тошноты и респектабельным до отвращения. Но тем больше хочется порой вот так беззаботно оторваться в лучшей компании, забыть про все дела, плюнуть на высокую политику и вести себя так, словно мы курсанты второго года обучения космодесантного училища и вырвались в короткую увольнительную.

Вот я и вырвался, хотя друзья очень сомневались во мне и не верили в мое присутствие. И я их очень понимаю! Я сам не верил до последнего момента, пока не уселся с друзьями за один стол и не выпил первую порцию моего любимого коньяка. Ну а дальше пошло-поехало. Тем более что местечко для мальчишника Гарольд выбрал изумительное: многопрофильный кабачок-кабаре с пугающим названием «Мизантроп-3». А почему «3»? Да по той простой причине, что это весьма веселое заведение уже два раза выгорало полностью, но добрый хозяин проявлял настойчивость и отстраивал свое детище, с каждым разом улучшая его интерьер и осовременивая. В пригороде Старого Квартала, можно сказать в рабочем районе, но с неким оттенком аристократичности, «Мизантроп-3» имел все, что только душа пожелает. Но самое главное, там собирались посетители, не слишком отягощенные интеллектуальными заботами, презирающие политику

вообще, любящие только выпить, вкусно поесть, попеть песни, потискать девок и танцовщиц варьете, ну и подраться, соответственно. Голографические визоры они не смотрели с детства, новости не слушали, газеты не читали из принципа, и я бы не удивился, если бы на вопрос: «Как зовут нынешнюю императрицу Оилтонской империи?» – они бы с изумлением не ответили встречным вопросом: «Разве у нас не император на троне?»»

Здесь ценился (пожалуй, выше, чем толстый кошелек!) только крутой вид, крепкий кулак и умение держать удар. Потому что это было одно из редких заведений подобного типа, где не просто разрешалось подраться и дать кому-нибудь в морду, а даже приветствовалось подобное желание. Именно поэтому в кабачок-кабаре запускали только после прохода через густую решетку многопрофильных сканеров, забирая все, что хоть мало-мальски походило на оружие. То есть дерись, но за оружие не хватайся.

Нас все это вполне устраивало, и мы раздухарились от всей души.

Не боясь быть узнанным, я подавал пример, поэтому и все остальные расслабились и вели себя как юные курсанты. Малыш пел песни, заставляя его подпевать не только нас, но и соседей. Наш шустрый Молния волок в пляс любую понравившуюся ему красотку, порой не интересуясь мнением ее кавалеров. Гарольд во весь голос рассказывал последние анекдоты, и сам же громче всех над ними хохотал. Николая беспощадно гонял официантов, заставляя приносить на пробу лучшие алкогольные напитки и устраивая им скрупулезную дегустацию. Ну а Армата бесшабашно выискивал, с кем бы подраться и отвести душу. Кстати, ему больше всего в этом деле и повезло в итоге. Ему рассекли бровь и чуть не оторвали ухо.

Пожалуй, только Алоис с Цой Таном вели себя как паиньки: забились в самый уголок и в драчке поучаствовали только один раз, когда уже совсем деваться было некуда. Но хорошо так поучаствовали, продуктивно, чем заслужили уважение остальных завсегдаев, и парней оставили в покое. Нас остальных хватало с лихвой.

Ну а я временами сидел, помалкивал, пил-ел, глупо улыбался и попросту любовался своими боевыми товарищами. Правда, пару раз и меня в драку удалось вовлечь. Это если не считать момента, когда я спас невинный стул. Один раз на меня свалился случайно какой-то детина и, видимо, от любви горячей к ближнему, стал интенсивно душить. А второй раз меня подняли из-за

стола два молодчика, которые презрительно на меня посмотрели и стали издеваться:

– Уродливый дебил! Его собутыльники кулаками машут, а он тут лыбится!..

Ну и в обоих случаях я сильно не заводился, а только так, чуток прогрелся, для аппетита, как говорится. И довольно наглядно показал, что ни душить меня, ни обзывать чрезмерно улыбчивым – не стоит. Что детину, что обоих молодчиков я просто забросил метров на десять, лишний раз доказывая, что и люди летать умеют. Иногда... Как и следовало ожидать, после моих показательных «закидонов» меня никто больше не побеспокоил, и я умудрился здорово упиться. Тоже стал петь, пытаюсь перекричать Малыша, смеяться даже громче, чем Гарольд, и стучать кулаками по столу основательнее, чем Николая. Разве что по стопам Молнии не пошел и нескольких буквально принесенных специально для меня красоток просто угостил с нашего стола вкусеньким и щедро одарил каждую солидной банкнотой в сотню галактов.

А что, пусть девочки тоже порадуются и потом себе купят что-нибудь приятное. Хотя как раз после такого подарка они вдруг перестали меня бояться, глазки их загорелись интересом, они попытались фривольнее расположиться у меня на коленях и начали знакомиться более основательно. Но я не такой. М-да... И, увы, уже давно! Раз уж дал слово своей драгоценной супруге, что «ни-ни!», то приходится соответствовать. Иначе сам себя уважать перестану. Ко всему прочему, уверен, что лучше, чем моя Патрисия, нет женщины во всей Галактике. Так зачем мне размениваться на иных симпатяшек?

Время от времени я как бы отделялся от всего остального мира и с кем-нибудь из друзей обособливался на уголке стола. И о чем мы говорили, кроме одной темы, когда я окончательно назначал время, способы и место? Да вроде ни о чем... точнее, обо всем сразу.

Гарольд... Мой друг и боевой товарищ с самого детства. Главный виновник сегодняшнего торжества. Его бравая капитанша Нина таки немного отошла от ностальгии по своей планете Земля, заинтересовалась проживанием на Оилтоне и согласилась оформить их сожителство официальным браком. Через неделю у них свадьба. Ужасный шрам, от края левого глаза до самого подбородка, Нине вывели в столичной больнице, и мой друг мычал от восхищения:

- М-м! Вот увидишь на свадьбе, какая она стала красивая! Лучше, чем твоя...

- Но, но! - оборвал я его. - Забыл, кому служишь?!

- Ха! - не смутился Гари. - Конечно, не забыл: Оилтонской империи я служу!

И он был очень рад и счастлив. Уж я-то своего друга знаю и вижу насквозь. Правда, и некую долю тревоги в его глазах заметил, как и сумел разгадать ее причины:

- Небось переживаешь, чем в данное время твоя Нинель на своем девичнике занимается?

Гарольд отвел взгляд от сцены, где лихо отплясывали полуголые девицы кордебалета, и скривился:

- Ну, ты ж ее знаешь! Если разгуляется, то...

Он махнул рукой, а я кивнул. Мы все ее прекрасно знали, ибо в свое время даже попали к ней в рабство, будучи на искусственном острове Хаос на древней планете Земля. Но все-таки мой друг сумел приручить эту дикую, свободолюбивую и своенравную пантеру и теперь вот пополнит нашу славную когорту женатиков.

Малыш... Он же наш лощеный и напыщенный аристократ... Сейчас он сидит со мной рядом и, ухмыляясь, потирает покрасневшую скулу, волосы всклокочены, выпуклые глаза горят азартом. И уж никак не напоминает одного из самых известных людей в Галактике, а тем более знаменитого представителя аристократии Агнера Ллойда. Да и шутки его вместе с изречениями сейчас больше соответствуют уровню деревенского рынка, чем почетного Лорда великой Оилтонской империи:

- Как говорят рыбаки: часто в воду нырять - удовольствие терять!

- Э-э-э... - Я крепко задумался, но так и не понял глубинного смысла. - К чему это ты?

– Ну, ты, Танти, уже упился! – возмутился друг. – Больше не пей, совсем не соображаешь... А я это к тому, что чем реже я попадаю в такие компании, тем большее удовольствие получаю. Ну, сам посуди, раньше мы чуть ли не ежедневно жили с полными жилами адреналина. И что? Чувства притупляются, начинаешь действовать без выдумки, бой превращается в рутину: главное ударить как можно больней, а еще лучше сразу убить... А тут – роскошествуешь! Стараешься придать нужное направление удару и высчитать дальность падения противника, и при этом ничего человеку не сделать... Ну не кайф ли, а?

Ему на мальчишник было податься легче всего. Его никто в данный момент не контролировал и дома на часы не поглядывал. Молодая супруга, известная всему миру как Синява Кассиопейская, умчалась на самой дорогой в истории космической яхте к своему родственнику, барону Железного Потока, чтобы лично обрадовать радостной новостью о своей беременности. Естественно, Малыш тоже сильно «радовался» и две недели вынужден был носить Синяву на руках. Вначале по собственной инициативе, потом – потому что жена привыкла. Она бы и его с собой забрала в двухнедельное путешествие, но я, пользуясь своим служебным положением и зная о предстоящем мальчишнике, отмазал друга, надумав для него тысячи причин, по которым он не мог покинуть Оилтон при всем желании.

Ну и, имея философский склад ума, Малыш никогда не переживал о своей любимой. А когда его спрашивали, не беспокоится ли он о ней, отпуская одну порой в весьма рискованные экспедиции, он только пожимал плечами:

– Риск, конечно, есть... и большой... для тех, кто попытается обидеть Синяву! Вон, когда-то я имел глупость с друзьями захватить ее яхту «Саламадра», а хозяйку пленить. Так она меня за это не просто наказала каторгой или там штрафами обложила, а вообще на себе женила. Друзья-то разбежались кто куда, а мне теперь до конца жизни долги отдавать.

Да... было дело... Такую яхту, кроме нас, во всей Галактике никто не угонял... Правда, тогда нас обстоятельства заставили пиратами стать...

Николя...

Уроженец планеты-гиганта Чары, проживший там до пятилетнего возраста. На первый взгляд он просто крепыш, да и только. Но силищи немереной. В его

захват боимся даже я попасть и Гарольд, не говоря обо всех остальных. У него с женой Зариной идеальные отношения, как нам всем кажется. Например, сегодня, уходя в нашу компанию, он поставил супругу в известность обо всем и даже выдал место нашей предстоящей дислокации. Напоследок чмокнул Зарину в губки и попросил:

- Только ты Патрисии ничего не говори.

И все мы были уверены, что Зарина таки не скажет. А если на нее надавят официально, как вышестоящее начальство, она сделает круглые глаза и чистосердечно удивится:

- Ну и что в этом такого? Пусть себе мужики детство вспомнят. Меньше нам потом мозги выедать будут.

Это, в общем-то, не встречало понимания у иных женщин.

Они с Николя никогда не ругаются, не повышают друг на друга голос, доверяют друг другу безгранично, а когда встречаются, не могут смотреть друг на друга без уморительно наивной и доброй улыбки. Их в тот момент можно без ножа на хлеб намазывать... М-да, как повидло.

Армата...

Для кого-то он может показаться нудным и ограниченным, когда переходит на разговор о самом любимом в его жизни - о вооружении. Но мы всегда знаем, когда его нужно оборвать и куда повернуть русло разговора. И он в иных делах тоже показывает огромные знания, могущие удивить даже узкопрофильных специалистов.

Наш оружейник отрицает в жизни только несколько вещей. Одна из них - женитьба. Нет, женщин он, конечно же, любит, и даже временами увлекается какой-нибудь на долгое время. Скажем, дня на три... Но не дольше! Потому как личную холостяцкую свободу ценит неимоверно. А когда его начинают подначивать на эту тему, всегда умеет ответить верно и с юмором. К примеру:

– Вчера познакомился с одной красавицей, и вы бы слышали, как она меня ругала, не успев как следует глаза открыть! Представить страшно, что такое придется выдерживать годами... Поэтому, чтобы не слышать ее вопли с лужайки перед домом, где она одевалась, мне пришлось включить полную звукоизоляцию. Так что если я и женюсь, то лишь к глубокой старости. Да и то если не с кем будет в карты поиграть...

Алоис... Наш аналитик. Этого негра, может, не знают в лицо, но несколько гениальных предвидений и подсчетов прославили его чуть ли не на всю Галактику. Он не черный, как антрацит, а приятного шоколадного цвета. А уж по мастерству превращений и переодевания ему в нашей команде никогда не было равных. Умеет на ровном месте и без всяких подручных средств так преобразиться, что мы его несколько раз чуть не убили, принимая за проникшего к нам лазутчика.

Кстати, Алоис, когда мы с ним уединились на краешке стола, пожаловался мне, что жить холостяком ему порядочно надоело. И он, дескать, в последнее время стал устраивать маленькие репетиции, проживая с разными женщинами короткие сроки совместно. С кем четыре дня, с кем три, а кого не выдерживая даже суток. И вот теперь, сидя со мной на уголке стола, с расширенными от сочувствия глазами, он обнимал меня и пускал скупую мужскую слезу:

– И как это вы с ними выживаете?

Что я ему мог ответить? Только выдать расхожую фразу:

– На войне как на войне! – Подумал чуток и глубокомысленно добавил: – Но когда воюют все и долго, война становится позиционной и в ней начинаешь находить массу приятного. Так что... присоединяйся!

Дальше...

Надо только присмотреться, чтобы не сбиться...

Наверное, я иду в перечислении по росту, потому что следующим называю Цой Тана, уроженца Земли. Он с нами сравнительно недавно, но уже зарекомендовал себя настолько преданным и многогранным товарищем, что сегодняшней мальчишник без него ну никак не смотрелся бы. В последние наши мытарства,

где он и зарекомендовал себя наилучшим образом, заслужив наше дружеское расположение, Цой Тан прикрывался титулом графа. А когда все закончилось благополучно, то этот титул тогдашний император и отдал в награду знатоку флоры и фауны чуть ли не всей Галактики. Разумеется, титул новоиспеченному графу достался со всеми сопутствующими дивидендами. Плюс ко всему еще и на счетах нашей команды накопились немыслимые средства, которые мы экспроприировали у павших врагов нашей империи и моих личных недоброжелателей. А так как я командир суровый, но справедливый, то и от моих щедрот досталось каждому другу и некоторым нашим ближайшим помощникам по самое «не подавиться бы!».

Так что недавняя невеста Цой Тана, хорошо мне знакомая виконтесса Амалия Эроски, не осталась внакладе, выходя замуж за безродного и нищего самозванца. Он-то ведь ей признался перед их свадьбой, что у него за душой ничего и сам он никто. Только вот красотка виконтесса все равно его с радостным визгом заволокла на брачную церемонию. Потом удивлялись оба весьма и весьма приятным дивидендам, поместьям, замку, премиальным, наградным, боевым, набежавшим суточным и компенсациям за ранения.

Пожалуй, именно Цой Тану сложнее всего было вырваться на мальчишник (если меня не упоминать!). Потому что Амалия тем еще деспотом оказалась в семейной жизни! Ревнивая, до безумия влюбленная и вечно опасаящаяся, что ее супруга плохие дядьки то обидят, то нечаянно уронят, а то и похитят со всеми его положительными качествами. И, не скрываясь, плакала от переживаний, когда видела именно меня рядом со своим мужем, считая, что все опасности могут свалиться на ее семейный очаг только из-за моего неумного характера и жадности приключений. Когда друг мне рассказывал, какими путями и с какими ухищрениями он умудрился сбежать на данную пирушку, я ржал как конь и в изнеможении падал под стол. Ну а когда Цой с мученическим вздохом заявил уже перед всеми собравшимися: «Вы не представляете, что мне придется пережить завтра после возвращения...» – все наши хохотали так, что в какой-то момент показалось: хозяин данного приятного заведения вынужден будет отстраиваться в третий раз. Стены заходили ходуном, и затряслись столики со звенящими бокалами. Я потом даже специально поглядел на вывеску: «Мизантроп-3». Та хоть и перекошена была основательно, но чудом держалась на месте. Хотя, чего скрывать, прицел у меня к тому времени сбился окончательно, я мог и ошибиться... Может, кабачок-кабаре все-таки завалился?..

Кстати, мы дружно решили, что нашего наивного графа, попавшего под жесткий любовный прессинг, надо спасать. Решено было утром загрузить его на улетающий куда угодно боевой корабль и как бы подмазать к какому-нибудь важному делу. Когда проспится и вернется через сутки, Амалия будет счастлива до недержания и даже задумываться не станет, что да где.

Роберт... Наш лучший метатель всего острого, непревзойденный разведчик, талантливый артист и неунывающий весельчак, которого мы чаще называем более привычным, геройски заслуженным именем Молния. Он с нами прошел и пережил очень многое, повзрослел, заматерел, но в подобной пьянке выглядит, словно молоденький олененок-подросток, который совершенно случайно оказался среди маститых степенных зубров. Жениться он не спешит, наращивает боевое мастерство и скорей всего тоже метит на генеральские погоны. Но в этом ему уж и все ветра в парус! Если и становится кому генералами, то только таким вот достойным, честным, добрым и справедливым людям.

Ах да! Есть еще один друг, но скорей уже лично мой, который в данный момент следит, чтобы меня никто не узнал даже случайно. Он у всех на виду, кто знает – его видит постоянно, но в наших разговорах участия не принимает, разве что изредка даст только для меня ехидный комментарий и снова величественно удаляется в нирвану своих размышлений. Это – Булька, разумный риптон с планеты еще более разумных электромугов. Те когда-то подарили мне это чудо, за победу, а вернее, за создание патовой ситуации в поединке. Правда, я тогда умудрился схитрить, зная один важный момент в строении тел электромугов, но подобные деяния не для истории, и я о них скромно умалчиваю.

Булька мне очень помог в последние месяцы. Во многом. Можно сказать, спасал не единожды, да и вообще без этого верного боевого товарища я бы никогда не добился нынешнего своего положения и не смог бы совершить массу добрых и справедливых дел. Правда, в последнее время мой личный ангел-хранитель стал все больше и больше отдаляться как от меня, так и от воинской службы вообще. Но все равно, не ощущая его тяжесть на плечах, я никуда не выходил надолго, да и он, не ощущая меня и не покатавшись на мне, больше суток не выдерживал нашей разлуки. Здорово нас все-таки скрутило в единый узел «симбионт-человек»! Но как личность самостоятельная, с независимым складом ума, Булька возмечтал стать ученым-химиком. Причем с таким врачебным уклоном. И как только мы возвращались домой, прыгивал с меня и как мяч скакал в выделенные ему апартаменты, превращенные в лабораторию, и уже там возился

до полного оупения. Все мечтал изобрести новые лекарства от тяжелых болезней.

Уж не знаю, что у него там получалось, но отсыпался он, только катаясь на моей шее. Хорошо хоть, идеально при этом выполнял все просьбы по моей надлежащей маскировке. Правда, и его просьбы приходилось мне в последнее время выполнять. Связаны они были с тем, что в нашем окружении появилось еще сразу три риптона. Ну и как старшему, самому опытному среди них, Бульке приходилось заниматься обучением, дрессировкой и привитием своим будущим коллегам определенных навыков.

Дело того стоило, но на данном мальчишнике я об этом старался не вспоминать, и так весело было. Зато он вспомнил, уже под самое утро, и проанализировал мое состояние. И когда понял, насколько я пьян, закатил мне преизрядный скандал:

«Да ты стал похож на скота! Неужели не мог остановиться? Да тебя придется на носилках домой нести! Или сразу – в больницу! Под капельницы! Я сам с такой дозой не справлюсь! Или ты смерти моей возжелал?!»

«Ну и чего ты так кричишь? – скривился я, хватаясь за виски. – Когда это меня на носилках носили?..»

«Тебе весь список огласить?! Бестолочь пьяная! Я над твоим телом как ювелир над алмазом работаю, все недостатки устраняю, все шрамы вывел, а ты умудряешься до такой степени нивелировать все мои заботы!»

Тем временем мы встали вокруг стола, положив руки на плечи друг другу, и со всей дури грянули нашу любимую: марш космодесантников. Услышав это, большинство завсегдаев, засидевшихся до утра и до сих пор вынашивавших планы мести за разбитые губы, выбитые зубы и рассеченные скулы, потухли окончательно и стали постепенно покидать кабачок-кабаре. Какими бы пьяными они ни были, прекрасно поняли, что до сих пор мы с ними только развлекались, и уж никак не дрались по-настоящему. Слава космических десантников и наш высокий авторитет на пустом месте не строились.

Я умудрялся и петь, и продолжать общаться с риптоном:

«Вот видишь: пою... И стою... Сам стою...»

«Ага! Стоит он сам! – ехидничал друг, уже усиленно начавший выводить из моей крови алкоголь и вводя вместо него нечто из своих персональных разработок. – Еще скажи, что и весь кружок этих ужравшихся весельчаков поддерживаешь!»

«И скажу... Я такой... Эй! И не смей меня отрезвлять! Удушю! Я не для этого так долго и славно веселился, чтобы домой притопать трезвым!..»

«Ну-ну! Не хочешь – не надо! У меня на сегодня еще три важных опыта запланировано, и мне только отходняка не хватало после твоего лечения! Ха! И кого ты душить собрался?! Ты ж меня даже нащупать не сможешь в таком вот скотском состоянии... Вот я посмотрю, как тебя кое-кто душить станет, когда ты дома окажешься...»

Угроза мне показалась в тот момент несущественной. Я ведь пока доберусь, и сам прекрасно протрезвею. Ну, может, и не прекрасно, но вполне достаточно... А там посплю часик-полтора и вновь волеюсь в рутину ежедневных дел. Патрисия меня все равно в кровати ждать не будет, у нее вылет в шесть тридцать утра на одно важное мероприятие. Я-то об этом знаю, а вот Булька – нет. Так что пусть не портит мне праздничное настроение...

Мы еще выпили и спели в последний раз... Чуть позже поняли, что погорячились: «последний раз» оказался предпоследним. А значит, выпили и спели прощальную...

И стали расползаться по заранее намеченным маршрутам. Мне было по пути с Гарольдом, поэтому мы и добирались вместе. Причем служебные флаеры не использовали, ведь не на работе же! Патриотизм и порядочность не позволяли веселиться за счет империи. Поэтому добирались до своих апартаментов на такси.

Вот тогда и начались проколы. Водитель опознал Гарольда. Все-таки пост мой товарищ занимал высочайший, и его лицо частенько мелькало в последнее время в новостях. Любой информированный, следящий за внутренней обстановкой человек мог запомнить, как выглядит начальник дворцовой охраны и шеф телохранителей всего императорского семейства.

– О! – воскликнул водитель фляера. – Для меня огромная честь подвезти до императорского дворца знаменитого полковника Стенеси! Садитесь... Осторожней! Давайте, я вам помогу...

Мы с другом были пьяны более чем изрядно, но от помощи гордо отказались и загрузились в воздушное такси сами. После чего я по-хозяйски распорядился:

– Во дворец!

– В какой конкретно? – не понял таксист, поглядывая на меня с удивлением.

– Знамо какой, императорский...

Язык у меня заплетался, а у Гарольда еще и сознание стало путаться, когда он с блаженством откинулся на спинку сиденья. Наверное, ему представилось, что вокруг него проверенные подчиненные. Услышав бляние водилы: «Не уточнит ли господин полковник...» – он вынырнул из дремы и раздраженно пробормотал:

– Че те еще надо? Сказано же тебе было его величеством, значит, не спи... Дави педали!.. Совсем тут распустились без меня...

Затыкать ему рот было уже поздно, да и мне в моем благостном состоянии было все по барабану. Только и хотелось проскользнуть к себе как можно быстрее, до утреннего построения Дивизиона. Они-то меня не узнают, пока Булька прикрывает, но мало ли что... Да и начальника дворцовой стражи подставлять не хотелось... Удовлетворенно отметив краем сознания, что мы уже мчимся над столицей с максимально допустимой скоростью, я пустился в рассуждения:

– Ну разве ты не видишь, как полковник устал после заслуженного выходного? Имеет же он право хоть изредка развлечься в компании ближайших друзей, расслабиться, отвести душу в пении и... и...

Слово «мордобой» – мне показалось не слишком уместным, а ничего иного я подобрать не смог. Покрутил пальцами у себя перед носом, да и плюнул на это бесполезное дело. Так-то я вообще оратор хоть куда, но не в этом же «подуставшем» состоянии выступать! А вот о некоторых тонкостях данного маршрута сумел сообразить:

– Ты это... дружище... с северной стороны подруливай и к четырнадцатому порталу подъезжай. Только тихо, без сигналов и моргания... Договорились?

Судя по тому, как часто и ревностно закивал таксист, что-то он в голову себе эдакое вбил по поводу моей личности. Но я отчего-то больше озаботился не его мнением, а запоздалым осознанием собственной несколько излишней осоловелости. И стал мысленно орать:

«Булька! Спаситель ты мой! Я тут посоветовался с народом и понял, что ты был прав! Поэтому разрешаю меня отрезвить! Хотя бы на четверть... А?»

И услышал ехидное:

«Прекрасно помню твоё утверждение: по срубленной голове не плачут, если почки отвалились!»

«Э-э-э... что-то ты все перепутал... – Я попытался присмотреться к приближавшейся громаде императорского дворца. – Не мог я такого говорить... ну, никак не мог!..»

«Да ты и меня удушить не сможешь. Однако же грозился... я помню...»

Несмотря на свою вредность, подлечивать он меня стал всеми имеющимися в его распоряжении умениями. Наверное, только благодаря этому я по прибытии на место чинно рассчитался с таксистом, оставил ему отличные чаевые и сумел выдернуть из машины тушу разоспавшегося Гарольда Стенеси. Прошагал с ним на плечах под арку портала и только вошел в дверь контрольно-пропускного пульта, как окаменел на месте, забыв дышать.

Дежурный гвардейский офицер и два караульных замерли, вытянувшись в струнку, и пялились в пространство, а рядом с ними стояла одетая в форму генерала десантно-космических войск моя прекрасная, но сейчас жутко строгая Патрисия. Одним только взглядом она могла отрезвить троекратно лучше, чем Булька, ну а в голосе звучало столько ехидства, что у меня занули зубы:

– Надо же! Начальника дворцовой стражи доставляют на такси и заносят во дворец династии Реммингов какие-то неизвестные забулдыги! Куда катится

мир!..

Глава 2

Отступление первое, констатирующее

Бытует такое мнение, что правителем быть хорошо. Особенно когда над тобой уже никого выше нет. То есть ты сам себе князь независимого княжества, президент выбравшего тебя народа, король своего вольного королевства, а еще лучше, когда ты – император. Да еще и не простой император, а стоишь у руля великой космической империи.

Я-то давно знал, что правителем работать – это тяжелый и чаще всего неблагодарный труд. Как ни старайся, как ни рви жилы, надрываясь сразу во всех направлениях, никаких личных предпочтений не получишь, удовольствия не поимеешь, радости и счастья не испытаешь. Ну, разве что удовлетворение от честно исполненного долга перед отечеством будет к старости согревать сознание или подкармливать некую тень гордыни. Да и то, трудно ведь правильно самому оценить сделанное. Разве что со стороны твои деяния станут видны как на ладони, да и то через призму лет, лишь после твоей смерти, а то и вообще через несколько веков. Только тогда твои труды адекватно оценят на фоне всей остальной истории Галактики. Не раньше!

Это я так думал раньше. А вот когда стал консортом, то есть законным мужем моей горячо любимой и обожаемой Патрисии, то окончательно разочаровался даже в положительных сторонах неограниченного правления. Да что там говорить, я уже на второй месяц взвыл от тоски и отчаяния. Потому что мою любимую угораздило оказаться наследницей престола не какого-то там захудалого княжества, а одной из самых могущественных звездных империй – Оилтонской. И так уж сложилось, что после смерти ее отца и отречения от трона старшего брата Януша Второго вся полнота власти легла на плечи Патрисии. А так как именно я стал ее мужем официально, то не успел даже осмотреться, как слышался скрип и моих костей, придавленных обязанностями, этикетом, заботами и запоздалым пониманием, что ничего сделать не успеваешь.

Как я ни старался, как ни метался во все стороны, первые месяцы для меня превратились в сущий кошмар. Именно тогда, в мелькании торжественных приемов и званых обедов, среди гор поданных для рассмотрения и на подпись бумаг, окунаясь порой всем сознанием в самые мрачные и паскудные моменты творящихся вокруг безобразий, сталкиваясь с корыстностью, алчностью и крайним цинизмом в галактических масштабах, я окончательно осознал, что править – не мое. Ведь стезя настоящего воина, всецело отданного своему призванию, – это сражение с несправедливостью. Бой! Пусть с постоянным риском для жизни, пусть с кровью на лице, но беспощадный бой. Еще раз повторяюсь: сражение! То есть когда перед тобой враг, и у тебя одна задача – уничтожить его! Ну, в крайнем случае – разоружить и пленить. Именно к этому я стремился с самого детства, изнуря себя постоянными напряженными тренировками. Именно поэтому я смог преодолеть очень многие этапы обучения, не сломался нигде, не оступился, попросту выжил и научился свои знания использовать в полной мере.

Но быть правителем – это не воевать! И не убивать всегда и везде противника, который однозначно враг и его по всем канонам бытия следует растереть в порошок немедленно. Хуже всего в правлении – политика, двуличная дипломатия. Ведешь беседу с редкостной тварью, которую и разумным существом язык назвать не поворачивается, и вынужден улыбаться, говорить ничего не значащие слова, выслушивать словесный яд в ответ и... и ничего! Ничегошеньки не делать! Ибо именно такое поведение в данное время диктуют интересы твоей державы. Ибо так положено. Ибо только так следует вести себя на дипломатических приемах и прочих светских раутах.

Конечно, ни я, ни тем более Патрисия с совсем уж конченными убудками не общались, сообразительности и власти хватало подставить вместо себя обученных дипломатов. Но порой все равно случались такие встречи, во время которых моя супруга не столько меня держала за руку, сколько сама искала во мне тот моральный якорь, держась за который можно было не сорваться и не натворить глупостей. Она ведь у меня тоже прошла через все этапы обучения воина: космодесантное училище, боевые практики, академия и несколько специальных курсов для высшего офицерского состава. Успела в своей жизни и повоевать, и меня пленить своим умом, красотой, добротой, честностью, отвагой... ну и всеми остальными качествами, которые я всегда мечтал отыскать в своей девушке, супруге и матери моих детей.

М-да!.. Повезло мне с Патрисией... Хотя долгие годы она умудрялась скрывать свое происхождение даже от меня...

Ладно! Не о том я думаю... А о чем? Ах да! О тяжелой доле правителя только что вспоминал. И, кстати, именно мое недовольство своими обязанностями консорты и стало причиной наших первых семейных ссор. Я горячо спорил со своей любимой и доказывал, что мои обязанности следует пересмотреть кардинально. Хотелось оставить на своих плечах только армию, космический флот и все прочее, что связано с обороноспособностью империи. Но увы! Моя ушлая императрица не желала тянуть лямку самых грязных и неприятных государственных дел в одиночку. Поэтому она не просто мне возражала или там спорила. Хуже! Она даже порывалась меня порой поколотить, настолько я ее выводил из себя своими здравыми и логическими рассуждениями. Понятное дело, даже такой отличнице рукопашного боя, как она, с таким валенком не справиться, но она все равно пыталась меня захватить в болевой прием. И не раз... И порой я, пытаюсь сделать ей приятное (да и себе тоже), поддавался... Чего уже там! Вот такая она у меня...

Но если отбросить в сторону наши физические развлечения во время жарких споров, то я все равно победил. А именно: я добился, что любые инспекции войск имел право проводить только консорт. То бишь, опять-таки я.

И это дало мне хоть немного возможности вздохнуть полной грудью и заняться теми делами, которые и следовало делать профессиональному военному. И я постепенно, тайно от супруги, стал готовить и курировать некие нужные Оилтонской империи операции, а порой и сам в них с огромной радостью, под иными именами и под иной внешностью, участвовать.

Все и началось с того, что для одной важной во всех отношениях операции мне пришлось собирать старых и подбирать новых членов боевого отряда. Лишь тогда я в некоторой степени порадовался своим неограниченным возможностям, которые давало мне нахождение на вершине власти. Хотя путь к победе все равно оказался сложным, политым потом и кровью.

Но буду все-таки придерживаться хронологии исторических событий.

Все началось с предварительного разговора, который я провел с каждым из друзей во время такого памятного мальчишника. А уж потом стал подбирать

остальных исполнителей. Тем более что задуманное дело так просто, с наскока не решалось.

Глава 3

Императорский дворец династии Реммингов

Еще одна сложность предстоящей операции заключалась в том, чтобы о ней раньше времени не узнала императрица. Ну да, та самая Патрисия Ремминг, которая сейчас нам с Гарольдом загораживала проход и делала вид, что меня не узнала.

От звука ее голоса Гарольд несколько протрезвел и тут же сполз с моих плеч. Вполне так себе крепенько встал на ноги, постарался шире приоткрыть щелочки чуть припухших глаз и, нисколько не тушуясь, пробормотал:

– Осмелюсь напомнить вашему императорскому величеству, что сегодня у меня выходной.

– Да я в курсе, Гари, – дружбу между нами всеми мы нисколько не скрывали ни от народа, ни тем более от проверенной в лояльности дворцовой стражи. – Только вот почему тебя пытается пронести контрабандой какой-то премерзкий и подозрительный тип?

– А-а, этот, что ли? – Начальник стражи одной рукой почесал в затылке, пытаюсь включить соображалку, а второй панибратски похлопал меня по плечу. – Да мы этого парня используем для специальных заданий по наружному прикрытию дворца. И сегодня как раз проверяли одну из наработок... А что это ваше императорское величество не на совещании?

Мое умение менять внешность, да и само существование риптона считались одной из высших государственных тайн. И о моем друге-симбионте до сих пор знали только мои друзья, супруга, Синява Кассиопейская, Зарина, барон Зел Аристронг и его сын Артур... да и всё, пожалуй. Даже мои недавно отыскавшиеся родители не ведали о наших с Булькой умениях в трансформации.

Как следствие, легенд и наработок для сокрытия моих свойств хамелеона имелось предостаточно. А в данную секунду мне ничего, кроме язвительного тона и многообещающих взглядов, от моей любимой не грозило. Другой вопрос, что начальник стражи сразу понял самое важное: раз императрица не на запланированной встрече, значит, случилось что-то важное. Не тот уровень, чтобы из-за банальной ревности моя дражайшая супруга стала устраивать засады на загулявшего мужа.

Так оно и оказалось.

– Ночью умер министр энергетики, – пояснила Патрисия, только одним движением пальчика дав сразу две команды: «Пропустить!» – это гвардейцам и «Следуйте за мной!» – это уже полковнику Стенеси вместе с его «наружным агентом». – Ну, а так как совещание касалось его ведомства и он должен был его вести, то... – Она уже шла по коридору в глубь дворца, а мы следовали за ней.

– Причина смерти? – деловито поинтересовался Гарольд.

– Врачи предполагают инфаркт. Умер он в своей постели, рядом с женой. Та случайно обнаружила, что он не дышит. Охрана была на месте, контуры безопасности не потревожены. На место выехал сам Энгор Бофке.

Ну, раз лучший в нашей империи следователь туда отправился, можно было не сомневаться в действенности расследования. Недаром этому пожилому дядьке, кстати, моему старому наставнику и приятелю, давно приклеили прозвище Рекс. Уж такая у него имелась бульдожья хватка, из которой никто не вырывался... Кроме меня, естественно... Но тогда я действовал против Энгора Бофке не совсем честно, пользуясь его тайнами, а сам прикрываясь своими умениями хамелеона. Кстати, наш прославленный Рекс в последние месяцы буквально на пень изошел, пытаюсь вывести у меня самыми разными путями, кто мне помогал и как это я так менял внешность и голос во время попыток собственной реабилитации. Причем так настойчиво пытаюсь вывести, что вначале прежнему императору пришлось его своей властью заставить «притихнуть», а потом уже и усевшаяся на трон Патрисия сказала Энгору довольно строго:

– Не стоит копаться в высших государственных тайнах империи, господин Бофке!

– Даже мне?! – возмутился легендарный следователь.

– Вам должная информация будет предоставлена в нужное время! – ледяным голоском отчеканила Патрисия.

Она умела поставить на место любого подданного, не хуже своего покойного отца. И старому служаке ничего не оставалось, как молча проглотить пилюлю, заодно расписываясь в некоторой своей некомпетентности. Ну как же, получается, что не раскрыл косящего под преступника консьорта! Позор на его седины!

И, как я подозреваю, он так и продолжал тайно собирать на меня компромат и пытался раскрыть мои тайны.

Но, возвращаясь к неожиданной смерти министра энергетики: у меня по этому событию тоже возникли вопросы. И, убедившись, что нас никто не видит и не подслушивает, я поинтересовался:

– Как-то я сам упустил этот момент, но кому бы была выгодна смерть данного министра?

Патрисия тоже огляделась и сказала вполголоса:

– Меньше надо пьяных на себе таскать, агент, а больше работать! Тогда бы ты не забыл, что именно министр энергетики участвует непосредственно в приеме заказов на стахокапус, подписывает главные торговые договора и принимает предварительную оплату. А уж размер этой оплаты ты и сам знаешь прекрасно...

Да уж! Стахокапус! Сколько мы за него пролили пота и крови! И если бы только чужой крови!..

Уже несколько месяцев вся Галактика стоит на ушах, обсуждая появление на космическом рынке этого таинственного живого растения, которому даже приписывают частичную разумность. Стахокапус все средства массовой информации уже записали на шестую строчку после чуда создания изолирующего гравитацию притана, прибора связи крабера, Способа Телепортации Вещества, разработки омолодителей последнего поколения и

нейтронно-кварцевых двигателей вкуче с Лунманским прыжком. А некоторые вообще ставили появившееся на рынке растение на первое место. И не казались неправыми.

Можно сказать, что в единочасье Оилтонская империя стала самой богатой, самой перспективной и наиболее независимой государственной структурой в Галактике. Потому что только первые суммы авансов от многих соседей на поставки стахокапуса враз превысили официальные прибыли Доставки. Новое растение мечтали получить все. А уж за возможность покупки патента и технологии выращивания начались настоящие дипломатические сражения. Да иначе и быть не могло – любой соображающий человек сразу понимал астрономическую выгоду.

К примеру, я дословно помню, как Малыш мне в свое время обрисовал главные положительные качества данного растения:

«Стахокапус представляет собой уникальное растение, способное аккумулировать в себе перепады температуры. И самое главное свойство-умение: потом отдавать накопленное в регулируемом режиме. То есть если стахокапус поместить на год в полярных областях планеты с нормальной атмосферой и очень низкой температурой, то он потом в течение трех-четырех лет может поддерживать в помещении на экваторе объемом почти сто кубометров температуру двадцать пять градусов выше нуля. Это при том, что в обычном случае в данном помещении стоит жара до пятидесяти градусов. И наоборот: если продержат стахокапус с десятков месяцев в раскаленной пустыне, то он впоследствии будет поддерживать тепло в доме полярника несколько лет. Ты только вдумайся в эти числа! Это же революция в мире техники, быта, дизайна, экономии драгоценных металлов, газа, ресурсов... Да всего!..»

И тогда еще и сам Малыш не осознавал значимости сказанного им слова «всего». Ведь как бы ни облагораживали планеты, как бы ни делали климат мягким и отрегулированным, в любом случае в большинстве миров и пустыни оставались, и полярные области изобиловали льдами и пугали низкими температурами. То есть бесценные в иных местах холод или жара пропадали втуне. А стахокапусы давали возможность создать нужную температуру в любых частных и общественных постройках без оснащения оных холодильниками, котельными, охлаждающими установками, батареями и так далее и тому подобное. Да пусть удивительное растение обойдется в три раза дороже, чем вся система

инсталляции охладительной или нагревательной аппаратуры, и то нововведение будет намного предпочтительнее, удобнее, чище и целесообразнее. Причем несомненным плюсом было то, что живые аккумуляторы разных по полярности температур брали из атмосферы для своего питания втрое больше углекислого газа, чем кислорода, и выдавали кислорода в полтора раза больше. Ну и плюс там выделяли не влияющие на экологию крохи азота, озона и ксенона.

И в итоге получалось, что все сложности были связаны с выращиванием стахокапуса и его дальнейшей перевозкой с места на место. Срок жизни растения пока определить точно не было никакой возможности, но его создатели, во главе которых сейчас стоял отрешившийся от престола в пользу сестры принц Януш, утверждали:

«Наши расчеты однозначно указывают, что стахокапус живет от сорока до шестидесяти пяти лет!»

И никто в этих словах не сомневался. Все просто хотели купить патент и первые партии выдаваемых в мировую торговлю стахокапусов.

Вот министр энергетики и занимался вопросами общения с основной массой покупателей. И если разобраться, был такой фигурой, которая могла либо кому-то резко помочь, либо страшно помешать своим отказом.

Так что участие великого Рекса в расследовании – шаг более чем рациональный и необходимый. «Как не вовремя он умер! – подумал я. – Теперь и нам тут всем придется лишний раз напрягаться, недосыпать и мудрствовать лукаво. А если еще ему кто-то помог умереть...»

Наше трио дошло до личных покоев императрицы, ну и моих, естественно. К тому времени я уже принял привычный облик и с помощью Бульки чуточку протрезвел. Поэтому соображал намного лучше и шел гораздо ровнее. Патрисия опять перешла на официальный тон, хотя стоявшие на посту гвардейцы и не могли расслышать каждое сказанное слово:

– Мы прощаемся с вами, полковник. И очень хочу надеяться, что хотя бы к вечеру вы сможете вернуться в строй и заняться возложенными на вас обязанностями!

Мой друг Гарольд Стенеси кивнул:

– Несомненно, ваше императорское величество!

Он несколько неловко развернулся и двинулся прочь ну почти строевым шагом. Я тоже, входя в дверь, старался не шататься и соорудить как можно более умное лицо. Булька спрыгнул на пол и ускакал, словно демонический мячик. Судя по рассерженному взгляду моей любимой, с лицом у меня не очень получилось.

– Я так устал, дорогая, с ног валюсь, – поспешно сказал я и отправился в нашу спальню.

Под пристальным взглядом Патрисии разделся догола и потопал под душ. Вот там она и взялась за меня. Выключила горячую воду, и меня обдало ледяной стужей. Я выпрыгнул из-под душа и отреагировал довольно мягко:

– Чтоб руки отвалились у этих... водопроводчиков! Краны какие-то поломанные устанавливают!

Опять отрегулировал воду и встал под душ, но уже лицом к супруге и не сводя с нее глаз. Та этим осталась удовлетворена:

– Вот-вот! В глаза мне смотри, в глаза! И честно рассказывай, где был.

– Что за допрос?! – попытался я разыграть возмущение. – Вины за мной нет, и женской помады на мне – тоже!

– Помада – это пустяки, – равнодушно пожала плечами любимая. – Остаться вдовой не страшно, я не настолько непривлекательная, чтобы не найти следующего мужа.

– О-о-о-о! – затаил я многозначительно, зная, как Патрисия это не любит. – Вот она, значит, какая – твоя ко мне любовь?

– Ну, ты и наглец! И ты смеешь такое заявлять? – Голос ее стал угрожающим. – Каждую минуту моего распорядка ты знаешь досконально, а сам пропадаешь целую ночь неизвестно где? Да еще и водишь за нос наших телохранителей, подставляешь их под наказание за то, что они не знают, как от них скрылся и где теперь находится объект охраны!

– Неправда! Они получили от меня жесткий приказ меня не сопровождать, – стал и я сердиться. – Бывают порой дела, о которых никто знать не должен.

– Ах, какой деловой, только посмотрите на него: еле языком ворочает и ноги подламываются! Позор! И не забывай, кому ты о своих правах заявляешь! Я должна знать все! Так что отвечай немедленно: где был?

Я уже чувствовал себя гораздо лучше и ответил спокойно:

– Зря ты насчет языка и ног, милая, я в полном порядке. А свои секреты, как главный куратор армии и флота, я не то чтобы скрываю, а просто не хочу загружать твою прекрасную головку лишними проблемами... Зачем они тебе? Просто поверь мне на слово: у меня все под контролем, можешь лечь и расслабиться...

– Расслабиться?! – разъярилась моя любимая. – Да мне выспаться некогда! А тут вместо того, чтобы в кои-то веки позавтракать со своим мужем и напомнить ему о своем существовании, я вынуждена метаться по всему дворцу в его поисках! И хуже всего, что никто даже понятия не имеет, куда он спрятался!

– Точно! – Я выскочил из-под душа и начал поспешно вытираться полотенцем. – Как же я мог забыть?! Как же у меня из головы-то вылетело?! То, что у меня есть, в сто раз лучше завтрака!

Патрисия посмотрела на меня с подозрением:

– Ты о чем?

– Извини, моя принцесса, просто у меня от выпивки чуток соображение запаздывает, потому сразу и не вспомнил. Идем, сейчас все сама увидишь!

И, схватив ее за руку, потянув в нашу спальню. Когда мы уже пересекли порог, любимая стала о чем-то догадываться и притормаживать. Но я уже набрал обороты, подхватил ее на руки и забросил на кровать. И, невзирая на яростные вскрики, взвизги и сопротивление, принялся осыпать любимое лицо поцелуями и освобождать желанное тело от неуместной на данном ложе формы.

– Да что ты себе позволяешь?! Животное! Сюда могут прийти с докладами!

Хотя я-то прекрасно видел, что сопротивление оказывается мне скорее для проформы и крики звучат довольно приглушенно, чтобы ненароком стража чего не подумала и не бросилась слишком резво в императорские покои.

Да и я продолжал сыпать убедительными аргументами:

– Я ведь с вечера побоялся тебя беспокоить, зная, что ты с самого утра встаешь и тебе надо выспаться. А сейчас-то, сейчас! Мы можем и имеем полное право хоть раз спокойно заняться личными любовными удовольствиями! Это и в самом деле безобразно, то мы в разъездах, то валимся от усталости... А тут такой случай... Ну как его упускать-то?..

– Скажи вначале, где ты шляется всю ночь? Иначе ничего не получишь! – сделала Патрисия отчаянную попытку хоть в такой вот ситуации подтолкнуть меня к покаянным признаниям.

Ха! Не на того напала! Я усилил натиск, заключил любимую в объятия и атаковал ее ушки возбуждающими обещаниями ласк и пламенными признаниями в любви. Женщинам надо об этом иногда напоминать.

Ну и, вполне естественно, Патрисия сдалась под таким бурным натиском. А когда через час мы вместе пошли под душ, она интересовалась моей ночной отлучкой уже не с таким пристрастием, как до того:

– И все-таки, дорогой, где это вы с Гарольдом так изрядно накушались? И по какому поводу?

Я, ошарашенный близостью вне расписания, решил объяснить:

– Через неделю у Гарольда свадьба, вот мы и устроили нечто вроде мальчишника. Этакую пьянку-воспоминание о боевой молодости...

– Да? А во дворце вы себе место не могли для этого дела отыскать?

– Принцесса, ну как можно сравнивать? – фыркнул я от такого непонимания. – Это все равно что заядлому рыбаку предлагать не сидеть с удочкой, а купить рыбу в магазине.

– Не вижу никакой разницы. Главное, чтобы в итоге была рыба на столе.

– Ага! И как ты себе это представляешь? Сидим мы, значит, с Гари, ведем своим мужские разговоры, а ты через каждые полчаса заглядываешь и посматриваешь за нашим поведением? Так, что ли?

– Ну и что здесь такого? – удивилась Патрисия, агрессивно выталкивая меня из-под струй воды. – Зато все спокойны и не надо никуда никого уносить. И я не позорюсь, несясь как дура туда, где в запретную зону вокруг дворца вторглось какое-то такси.

Ну что с ней делать? Я имею в виду женскую логику. А вернее, ее полное отсутствие вот в таких вот простейших житейских вопросах! Хорошо, что я уже предвидел следующий, весьма неудобный для меня вопрос, и сделал опережающий ход:

– Ничего ты не понимаешь в мальчишниках! Поэтому и никаких веселых подробностей не дождешься! А станешь на меня давить, буду врать тебе напропалую.

Скользкая от воды Патрисия вывернулась из моих объятий и поступила нечестно:

– Зачем на тебя давить? Если достаточно только потянуть, и ты расскажешь все без утайки...

– Ай! Что же ты творишь?! – Мне и в самом деле было больно.

– Да ничего страшного, пользуюсь своим положением. Помнишь, когда я была у тебя в отделении, ты как командир ставил меня по стойке «смирно» и целовал часами?

– Часами?! Да мы только на десять минут максимум наедине оставались!

– Ты не возмущайся! Не то будет еще больней... А лучше сразу рассказывай, где вы гуляли и сколько вас было.

– Где – не помню, уже туда изрядно подвыпившими приехали. А собралось нас там человек восемьдесят... Уй! Ты так без детей останешься...

– А ты не ври мне! Танцовщицы были?

– Увы, садалиний заказать не удалось. Они теперь без своей высокопоставленной ученицы не выступают...

Так и продолжался мой допрос, и я говорил только правду. Супруга мне верила, но кривилась, чувствуя, что я все-таки рассказываю не все. Ну и пусть кривится! Даже если раскопает того таксиста и узнает о кабачке-кабаре «Мизантроп-3», и даже заставит взять показания у сидевших у меня на коленях девушек, компромата на меня не отыщет. И о моих договоренностях с друзьями не проведает.

Глава 4

Отступление второе, историческое

Предыстория начатой мною секретной операции уходит корнями на десять лет назад. Тогда мы поступили в космодесантное училище. Причем не только мы с Гарольдом, мечтавшие об этом как минимум пять последних лет обучения в школе-интернате. Мы еще и обманом завлекли на армейскую службу нашего третьего друга, Романа Бровера. Казалось бы, этот парень, выглядевший как худой, длинный заяц и имевший это прозвище, ну совсем непригоден для такой деятельности. Но с нашей помощью он и поступил, и выдержал первые, самые тяжкие месяцы адской муштры.

В училище прорвалась и наша одноклассница Клеопатра Ланьо. Вредная, заносчивая стрекоза, она в школе раздражала меня только одним своим видом. Мы все трое были в шоке, когда увидели ее на приемных экзаменах. Дальше, правда, начались чудеса с превращением Ланьо из гадкого утенка в мою

любимую девушку, которую я целовал и носил на руках уже к концу первого курса. Причем Клеопатра еще долгие годы потом умудрялась скрывать свое истинное имя и происхождение.

Именно Клеопатра и познакомила нашего пускающего слюни при виде любой девочки Зайца со своей подругой, которая была уже на втором курсе. Ну и нашего Романа Бровера так потрясло разгоревшейся любовью к Магдалене, что он стал вытворять престранные вещи. Добился для нее совместной с нами практики, во время которой нам повезло совершить кучу подвигов и геройски спасти Януша Второго – в те времена наследного принца. Это он уже гораздо позже, после подлого убийства его отца, вынужден был взойти на престол и стать императором. А когда я женился на Патрисии, Януш, с которым мы прекрасно ладили и дружили, стал мне шурином и быстренько отрекся от трона в пользу своей единственной сестры. То есть уже тогда некие могучие силы нам помогали в некоторых безвыходных ситуациях, а наши боевые награды или внеочередные звания никогда не задерживались.

Может, именно тогда на просьбы геройского Романа Бровера и обратило внимание высшее командование. Ибо Заяц вбил себе в голову, что, бегая с автоматом и натирая мозоли бронежилетом, до генерала не скоро дослужишься. И, будучи неплохим аналитиком, обладая уникальной памятью и умением разобраться в любом информационном пространстве, решил переметнуться во внешнюю разведку. То есть предложил отправить себя вместе с супругой куда-нибудь в тыл врага, чтобы заниматься там любой деятельностью по усмотрению главного управления.

Дело всегда нужное, и подобные молодые кадры как раз лучше всего и приспособлены к глубокому внедрению в любые структуры возможного противника. Начальство в таких добровольцев вцепляется мертвой хваткой и старается использовать на полную катушку. Да и хохотушка Магдалена, неожиданно для нас всех, согласилась отправиться вместе с Романом хоть в преисподнюю.

Вот друга от нас и оторвали на втором году обучения. А куда отправили и где он продолжал служить Оилтонской империи, мы даже права не имели спрашивать. Только и вспоминали иногда в узком кругу нашего бесшабашного Зайца, который получил секретное прозвище Коршун, и прикидывали, до какого звания он уже дослужился. Все-таки подобным агентам каждый год засчитывался за три, не говоря уже об утроенной зарплате и прочих, связанных с досрочной

пенсией, льготах. Правда, уже сейчас, оглядываясь на свою карьеру и на карьеру того же Гарольда, который тоже пару месяцев назад стал полковником, я начинал сомневаться, что Броверы дослужатся до генеральских погон раньше нас.

Уже потом мы узнали, что нашего друга с женой отправили внедряться в промышленные структуры королевства Пиклия, где до сих пор на троне находился злейший враг Оилтона, продажная и мерзкая сволочь Моус Пелдорно. Именно с этим узурпатором в последние годы были связаны главные кровавые потери Оилтонской империи, смерть отца Патрисии и гибель очень многих дорогих и близких нам людей.

Но и этого мало. Благодаря нашему наивысшему допуску, который мы получили несколько лет назад как командир Дивизиона и его заместитель, нам с Гарольдом стало известно о провале всей нашей агентурной сети в Пиклии. Из-за того, что моусовцы использовали людей с удивительными возможностями, а также из-за предательства некоторых наших чиновников и подкупа парочки военных, все усилия нашей внешней разведки в той области Галактики пошли прахом. По некоторым данным, все наши агенты были уничтожены во время арестов или казнены после многомесячных пыток.

Понятное дело, что мы поклялись отомстить за своего друга, как только представится возможность. Увы! Нам тогда так тяжело пришлось, что до сих пор поражаемся: каким чудом сами выжили? Но зато именно в тот тяжкий период мы тоже накрыли огромную сеть моусовской агентуры на Оилтоне. А захватив в плен одну очень коварную даму, которую называли Горгона, мы выяснили у нее много трагичных деталей о печальной кончине наших агентов. Эта самая Горгона участвовала в раскрытии и ликвидации наших товарищей, которые работали с Романом и Магдаленой Бровер. Но! Именно она, а потом и ее подельники в один голос утверждали, что сами Броверы так и не были ни найдены, ни арестованы. Пропали, словно в воду канули.

И у нас появилась надежда, что ушлый и пройдошный Заяц, а правильнее говоря, Коршун, придумал нечто такое, что помогло ему с женой спрятаться. Причем настолько глубоко, что его ни моусовцы отыскать не могут, ни с нами на контакт выйти не удастся. Да вдобавок и выбраться оттуда у парочки никак не получается.

Несколько месяцев у нас никак не получалось заняться этим. Вначале свои шкуры спасали, потом порядок в империи наводили. Но как только вздохнули с некоторой (так и хочется скорбно подчеркнуть: «с некоторой»!) свободой, я дал распоряжение работать в этом направлении нашему лучшему аналитику. При таких возможностях, когда у него в подчинении имелась жуть какая огромная мощь всего аналитического аппарата Оилтона, Алоис развернулся в полной мере. Из кучи, казалось бы, никак не связанных между собой фактов он по крупицам собрал мозаику.

Получалось, что за несколько дней до провала всей нашей агентурной сети Роман как-то догадался, а может, и аналитически высчитал предстоящий крах. А так как бежать оттуда у него с женой не имелось ни малейшей возможности, он быстро, решительно и, что важнее всего, коренным образом сменил внешнюю окраску своей деятельности. И, произведя несложные манипуляции с документами и чуток подправив свою внешность, стал одним из местных преступников, которые как раз в те дни устроили кровавые разборки между собой. Диктатура Моуса и с негативными элементами подобного толка в своем королевстве боролась весьма эффективно. Припрятавшиеся остатки банд были арестованы, и тех, кто выжил в кровавой мясорубке бандитских разборок, отправили на каторгу. Причем в такой лагерь, где еле выживающие каторжане не имели ни малейшей возможности к побегу.

Если наш друг Роман и хохотушка Магдалена каким-то образом спаслись, то сейчас они влачат жалкое существование. И сами вырваться со страшной каторги никак не в силах, и весточку оттуда передать невозможно. А кто им может помочь? Правильно, только мы! И только нелегальным способом. Потому что намечавшееся возмездие моусовскому режиму, которое готовилось весьма интенсивно в последние месяцы, пришлось отложить на неопределенное время.

И не по нашей вине! А по вине Доставки, которая, со странной настойчивостью поддерживая узурпатора на троне, подняла настолько жуткий вой на всю Галактику в защиту своей марионетки, что наш космический флот был вынужден оттянуться на свои стратегические рубежи и внешнекосмические базы до выяснения обстоятельств.

Конечно, существовали и иные рычаги давления на Пиклию. Хотя бы те же финансовые, к примеру. Хлынувшие на империю реки галакто, при появлении на рынках стахокапусов, могли помочь нам свергнуть любые негодные Оилтону режимы возле наших границ без единого выстрела. Вся беда таких надежных

методов заключалась в одном: страшная медлительность!

Вот потому я и решил – а Гарольд горячо одобрил – срочно собрать команду, разработать планы и в самое ближайшее время тайно прошерстить нужный нам лагерь. Такое дело казалось нам вполне выполнимым. Оставалось только всем незаметно и разными дорогами покинуть Оилтон, а потом точно так же по одному собраться уже в нужном месте королевства Пиклия.

Как раз на мальчишнике я и дал каждому из друзей задание в предстоящих действиях. А что? И тайну сохранили, и гульнули превосходно! Думаю, если Роман Бровер когда-нибудь и узнает о нашем веселье, то одни сутки опоздания нам простит. Он такой...

Лишь бы сам продержался и Магдалену сохранил...

Глава 5

Система Красных Гребней, планета Элиза королевства Пиклия

Тупая, монотонная работа.

День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, втекающие в мрачные, без просвета надежды годы.

Тонкое зубило, под осторожными ударами молотка, откалывает кусочки спекшегося и спрессованного тысячелетиями песчаника. Главное, не отколоть слишком большой кусок, тем самым нарушив целостность возможно находящегося в пласте палеппи. Но даже когда в свете нашлемного фонаря мелькнет краешек этого природного чуда, еще не факт, что удастся добыть уникальную ракушку без повреждения. Одно неосторожное или неправильное движение, и волнистый корпус природной драгоценности будет нарушен. Тонкий поверхностный слой пропустит воздух во внутренние ткани, и начнется разрушение. После этого ракушку уже не спасти.

Вынув палеппи из спекшегося плена, необходимо вначале пинцетом удалить все крупные налипшие песчинки. Потом промыть добычу в нескольких растворах. Затем подержать ровно три минуты в цементирующем отвердителе и тут же на две минуты засунуть в камеру с жидким фтором. Тут даже задержка в две секунды сказывается. Ракушка может либо покрыться сетью мелких трещин, либо потерять насыщенный, так высоко ценимый перламутровый цвет. Если все проходит с выдерживанием временных параметров, то ракушку на несколько часов оставляют в фиксирующем растворе. Это уже проще всего.

И в итоге получается ювелирное изделие, сравнимое по себестоимости с ценнейшими минералами. Его после украшения и компоновки с себе подобными покупают во всей Галактике за немалые деньги. Продажа палеппи – одна из весьма прибыльных статей экспорта королевства Пиклия, и работы по добыче этих ценнейших ископаемых ведутся только с двумя выходными в месяц круглый год.

История возникновения...

Как вообще природа создала такое чудо? Исследователям не составило большого труда найти ответ на этот вопрос. Вулканические острова. Весьма питательные моллюски, которые обитают в неглубоких заливах и служат пищей для океанских рыбок, называемых утконосами. Рыбки выедают моллюсков своими изогнутыми клювами, красочные ракушки опускаются на дно. За год-два их заносит песком. Время от времени вулкан извергается, и льющаяся в море лава пропекает песок с ракушками до нужной температуры. И опять их заносит песком, и опять утконосы поедают аппетитных моллюсков. Через тысячелетия эти слоеные пироги песка, лавы и ракушек просели на несколько километров и там подверглись длительному воздействию давления и высоких температур. А еще через десяток миллионов лет какие-то ретивые геологи-исследователи добрались до этих глубин и доставили на поверхность природное чудо, которое кто-то назвал по имени своей дочери Палеппи.

Чудо быстро разрушилось, но состав был определен: нечто весьма похожее на натуральный жемчуг, но прозрачный и с яркой перламутровой насыщенностью внутри. Тогда же быстро определили, что требуется сделать с палеппи, чтобы они сохранили все свои прелестные свойства и стали транспортабельны в виде украшений.

И пошла добыча...

А вот с добычей, особенно в производственных масштабах, сразу возникли большие сложности. Со временем шахты прокопали и на суше, что позволило отказаться от дорогостоящих подводных куполов на большой глубине. Но и в недрах оказалось несладко. Давление сказывалось, повышенная температура раздражала, частые смены рабочих в течение суток страшно поднимали себестоимость добычи, а непрерывное мотание клетей вверх-вниз приводило к неоправданным жертвам.

По причине повышенного давления и температуры нельзя было и поднимать породу на поверхность большими пластами, что, несомненно, могло бы резко увеличить добычу. Ракушки трескались и разрушались, если не проходили внизу полного процесса очистки и окончательного затвердевания. Вот потому и приходилось старателям корячиться только внизу, на глубинах.

Правда, со временем выяснилось, что если пожить внизу больше месяца, то организм человека начинает привыкать к условиям жизни на глубине. Большинство работников переставали пользоваться защитными скафандрами с экзоскелетом, у них улучшилось зрение, жара стала привычной, и условия существования сделались чуть ли не комфортными. Стало бытовать мнение о пользе пребывания внизу, и разнеслись слухи об излечении некоторых болезней у тех шахтеров, кто соглашался оставаться внизу на месяц и более.

Понятное дело, народ уловку работодателей раскусил и ни в какие лечебные свойства глубинных шахт не поверил. Да и клаустрофобию никто не отменял! Какой дурак согласится торчать на глубинах долгие месяцы? Станешь богатым, зато превратишься в пускающего слюни дебила? Желающие подобного обогащения путем умопомешательства перевелись быстро.

Тогда правящий в то время король, забрав эти территории под власть короны, переименовал вольные прииски палеппи в лагерь строгого режима и стал засылать в шахты преступников и недовольных его правлением. Вот с тех пор и пошло, что прибыльная статья экспорта Пиклии держится на подневольном труде уголовного сброда и политических противников. Над ними внизу стояли мастера, они же оценщики сдаваемых ценностей да регистраторы рабочего времени. Ну и довольно малое количество надсмотрщиков, жестко следящих, чтобы уголовники не перебили друг друга и не вздумали эксплуатировать один другого. Мастерам и надсмотрщикам, которых меняли раз в две недели, помогали боевые роботы и камеры наблюдения. За всю трехсотлетнюю историю

каторги с нее ни разу не сбежал ни один узник.

Попытки заменить людей роботами предпринимались не раз и не два. Но какую только уникальную, точнейшую технику не опускали вниз и не пытались откалибровать окончательно на месте, ничего из этой затеи не получалось. Использовать людей оказалось и продуктивнее, и несравнимо дешевле.

Именно поэтому каторга на планете не просто выживала во все времена и считалась хорошо себя окупающей, а медленно и неуклонно разрасталась. Хорошо еще, что геологами были определены окончательные запасы залежей палеппи. По их расчетам, добыча могла продлиться еще тридцать, максимум пятьдесят лет, если не отыщется новое «слоеное поле». Именно поэтому разрастание тюремно-исправительного объекта не форсировалось, и никто, даже нынешний узурпатор трона Моус Пелдорно, не настаивал на резком увеличении добычи перламутровых украшений.

Так что тем, кто попал на прииск с пожизненным сроком, переезд на новое место не светил. Как ни улучшалось здоровье внизу, как ни привыкал организм к запредельному существованию на глубинах, все равно всплывал моральный фактор, и люди, получившие пожизненные сроки, угасали, прожив максимум двадцать – двадцать пять лет. Последний рекорд был установлен совсем недавно: один знаменитый вор прожил на Донышке, как сами называли свою юдоль скорби заключенные, двадцать семь с половиной лет. Огромный срок! По мнению большинства, такой временной отрезок лишний раз подтверждал, что семейные пары вытягивают намного дольше.

Это уже давно заметили и содержатели каторги. Поэтому процентное соотношение женщин и мужчин всегда поддерживалось как шестьдесят к сорока. Вдобавок женщины лучше чувствовали с годами породу, и именно они чаще всего работали с молотками и зубилами на последней стадии выемки ценности из породы. Тонкая, филигранная работа! Создание семей, как и наличие имеющихся – только приветствовалось. Хотя и проживание в ранге холостяка никто не запрещал. И жить сразу с двумя женами не возбранялось.

Причем не всегда так называемая семейная ячейка образовывалась на тяге представителей разных полов к сексуальной близости. Порой между ними была только чисто платоническая дружба, чувство взаимоуважения и некое родство душ, позволяющее им делить вместе все тяготы здешнего существования.

Большинство же заключенных попадали сюда на определенный срок. И если такие счастливицы доживали до конца своего срока и отправлялись на поверхность, это считалось настоящим праздником и добавляло остальным житейского оптимизма. Еще чаще в истории упоминались случаи, когда на поверхность поднимали невинно осужденных, дела которых были пересмотрены, апелляции признаны основательными, и невинного освобождали от каторжного труда. Были и такие случаи, когда после апелляции начальника лагеря дело лучших добытчиков пересматривалось и срок тяжкого исправительного труда сокращали. Все верили в подобную счастливую звезду для себя и рвались к трудовым рекордам изо всех сил.

Все, кроме двух каторжан. Один – парень, высокий, худощавый и на первый взгляд неуклюжий и рассеянный. Вторая – его родственница, этакая ловкая, неунывающая женщина с блестящими от задора и оптимизма глазами. Имена они имели вполне обычные для подданных пиклийской короны: Си Га Лун и Ве Да Лисса.

Мало того, в первые месяцы своего пребывания на Донышке эта парочка всеми силами скрывала свои опасения, что вдруг за ними явится надсмотрщик в сопровождении боевого робота и скомандует: «С вещами на выход!»

Это означало бы, что поспешный и не совсем чистый обман с документами вскрыт и судьи загорелись желанием выяснить, кто это скрывается под именами весьма и весьма нехороших уголовных элементов. А под именами выживших при разборках уголовников скрывались резиденты оилтонской разведки Роман и Магдалена Броверы.

То, что Си Га Лун и Ве Да Лисса чего-то опасались, опытный аналитик высмотрел бы в нескольких мелких деталях и в линии поведения. Парочка ни разу не пожаловалась на свою долю, не проклинала жестоких судей и только в случае крайней необходимости что-то там вякала насчет своей прошлой жизни. Они сразу стали довольно вежливо, с уважением относиться к мастерам и надзирателям; ровно и без эмоций – к коллегам; и без огонька – к своему каторжному труду. А почему без огонька? Да потому что передовики, пахавшие все свободное время, выделялись, фиксировались мастерами в первую очередь. Им предоставляли для жительства более приличные стационарные модули, выдавали усиленные пайки, вплоть до деликатесов и сладостей, и самое главное, они могли подавать апелляции наверх, чтобы их дело пересмотрели и срок каторги хотя бы скостили. За таких продуктивных работников мастера

стояли горой, поддерживали во всем и порой по собственной инициативе, будучи на поверхности, старались разобраться в делах своих любимчиков и как-то им помочь.

Вот такой «ненужной помощи» влипшие в неприятности резиденты опасались больше всего. Первые год-полтора. Потом немного успокоились. Все-таки понимание наивысшей опасности – угрозы гибели превалировало над желанием улучшить условия существования.

Другой вопрос, что такое существование, в конце концов, и самых отчаянных оптимистов сведет в могилу. А значит, следовало жить хоть какой-то надеждой. А надежда была весьма хрупкая. Очень сложно было передать весточку на свободу. Каждого каторжанина, которому повезло выбраться наверх, тщательно допрашивали с применением домутила. Выискивали при этом все контакты с поверхностью и перепроверяли их пятикратно. Так что, даже отыскав надежного товарища, еще нельзя было быть уверенным, что условная фраза в рекламном объявлении или знак, нарисованный в общественном месте, дойдут до высшего руководства.

Мало того, Роман Бровер сомневался и в компетентности самого командования. Ну, появится в газетах и на информационных форумах объявление, обозначающее для грамотных людей: «Мы живы. Сидим в узилище» (имелся и такой сигнал на всякий случай) – а толку? Естественно, что командование пошлет неких, скорей всего желторотых агентов разбираться. Те начнут копать, как и куда делись такие-то. Попросту ходить, выискивать свидетелей, дотошно их выпрашивать и рыться в секретной информации. А подобные действия для опытных моусовских контрразведчиков, что красная тряпка для быка. Их местный шеф, правая рука Моуса, граф Де Ло Кле, отлично вымуштровал. Живо и самих агентов зацапают, а там и до лживых каторжан доберутся.

Поэтому семейной паре, а точнее говоря, отважным разведчикам из Оилтона, ничего не оставалось, как ждать и надеяться только на две вещи: на некий счастливый случай или на разгром, полное уничтожение моусовского кровавого режима. И если уж так разобраться, то шансов у них получалось немало: Оилтонская империя намерена была сделать все, чтобы устранить с политической арены своего главного и непримиримого врага.

Правда, годы шли, Моус продолжал здравствовать и злодействовать, а каторжане так и работали ежедневно на страшных, уже порядком им

осточертевших глубинах.

Одно и то же...

Тонкое зубило, под осторожными ударами молотка, откалывает кусочки спекшегося и спрессованного тысячелетиями песчаника. Главное, не отколоть слишком большой кусок, тем самым нарушив целостность палеппи.

День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, втекающие в мрачные, без просвета надежды годы.

Тупая, монотонная работа...

Глава 6

Столица Оилтонской империи

Мне все-таки было позволено высшей императорской милостью поспать пару часиков после такой бурной ночи и не менее бурного утра. Патрисия умчалась по своим делам, коих у нее в любое время дня и ночи имелся вагон и три тысячи маленьких тележек. А я как сибарит пороскошествовал на нашей внушительной по размерам, хотя почему-то все равно называющейся двуспальной, кровати.

Встал на удивление бодрый, посвежевший и в отличном настроении отправился в столовую в надежде чем-нибудь поживиться. Завтрак уже давно прошел, но наши повара привыкли, что я могу появиться ну в совершенно неурочное время, и не удивлялись, когда я им вместо легкого завтрака мог заказать плотный, с десятком блюд ужин.

На этот раз я, не мудрствуя лукаво, попросил легкий перекус и вскоре уже с наслаждением делал первый глоток ароматного горячего кофе. Но долго мне поблаженствовать не дали. Первым, кто мне сегодня испортил настроение и нагрузил проблемами, оказался Энгор Бофке, немеркнущая величина в мире имперского сыска. Оправдывая свое прозвище, Рекс, заглянув в столовую, грозно ощерился, смешно принюхался к запахам кофе и целеустремленно двинулся в

мою сторону. И начал еще издали:

– Танти, надо поговорить!

Я сделал вид, что его и не услышал и не увидел, даже когда он уселся за стол напротив. В воспитательных целях решил проучить затаившего на меня вселенские обиды следователя. И только по истечении минуты как бы наткнулся на него взглядом и с душевными нотками воскликнул:

– О! Господин Бофке! Какая неожиданная встреча! Доброе утро! Присаживайся, дружище! Как тебе сегодняшняя погода?

Раз он меня только в официальных случаях называет положенным титулом, то и я не собираюсь выказывать к нему слишком уважительное или трепетное отношение. Времена его наставничества в далеком прошлом; смею надеяться, что у меня и без него знаний хватит разобраться в следственных тонкостях. Дружить он со мной не желает, значит, буду к нему относиться как к любому иному следователю, подвизающемуся в службе имперской безопасности.

Кофе я ему не предложил, и он ехидно попытался меня подначить:

– Спасибо, я уже пообедал.

– Ну, тогда расскажи, как дети твои поживают? – в тон ему продолжал наглеть я.

И мне удалось своего собеседника разозлить.

– Слушай, Ветер! (Под этим кондовым псевдонимом я во время последних пертурбаций много кровушки попил из Рекса!) Я на службе!

– Везет же некоторым! – выдал я с завистью. – Отработал свое – и домой, к детям... А я вон даже ночью, в кровати – и то считаюсь на службе. Дети появятся – тоже работа: будущих наследников и принцев воспитывать...

Ненормированный круглосуточный рабочий день...

Бофке понял, что трепетного внимания к своей особе он от меня уже в который раз не добьется, поэтому решительно перешел к делу:

– Что это такое?! – И припечатал к столу то, чем наверняка пытался меня ошарашить.

Я не спеша доел круассан, запил его остатками кофе и только потом стал отвечать:

– Ну, если применить особые дедуктивные методы, которыми меня когда-то пытался обучить некий дядька Энгор, то понять легко: перед нами полиэтиленовый пакетик, а внутри него записка на небольшом клочке бумаги...

– Не юродствуй! – оборвал меня следователь. – Ты писал?

Самое интересное, что писал и в самом деле я. Только вот когда это было и кому я эту записку передал, никак не мог припомнить. На стандартном квадратике плотной бумаги, которые использовали на совещаниях во дворце, было написано несколько слов:

«Не слишком ли много ты требуешь?»

Расценивать написанное можно было как угодно: от дружеского вопроса по поводу заказываемой на ближайшую вечеринку выпивки до смертельной угрозы во время какой-нибудь торговли на миллионы. Все зависело от того, где эту записку отыскивали и при каких обстоятельствах. А зная, куда ранним утром отправился Рекс по долгу службы, нетрудно было догадаться, с чем это все связано.

Поэтому, оставив неуместный для ситуации тон, я стал посильно оказывать помощь в расследовании:

– Пока не могу припомнить: кому и когда написал нечто подобное... – И как консорт, тут же воспользовался своим правом знать все остальное: – Где это нашли?

Энгор скривился. Все-таки вопросы привык и страшно любил задавать только он. Однако и он до конца наглеть не стал, соображал прекрасно, какая у меня власть, и догадывался о моих скрытых возможностях. Поэтому со вздохом ответил:

- Этой ночью умер от инфаркта министр энергетики...

- Знаю.

- ...и смерть вполне здорового человека от инфаркта вызвала у нас подозрения. Патологоанатомы утверждают, что остановка сердца произошла слишком странно, хотя до причины так и не докопались. Обыск ведется везде и со всем тщанием. И на рабочем столе покойного, в его деловом календаре, на позавчерашнем дне, лежала эта записка. Твой почерк мы опознали и без экспертов, они только дали официальное заключение.

Рекс замолк, а я перешел на сухой официальный тон:

- И какие выводы вы сделали, господин Бофке?

Тот пожал плечами:

- Пока мало данных для предварительных выводов. Но если хотят подставить консорта, - уголок его рта дернулся в насмешке, - то делают это слишком топорно. Одной такой запиской забравшегося на вершину власти человека не свалишь. Другой вопрос, если самые смелые предположения вдруг окажутся правдой...

- В каком направлении будет двигаться следствие?

Энгор с явной язвительностью развел руками:

- А это зависит от желания сотрудничать со следствием каждого заинтересованного лица. Но что я могу обещать с полной гарантией, так это обязательное возмездие от богини правосудия любому человеку, какой бы высокий пост он ни занимал.

Я-то этому профи доверял на все сто, в его лояльности и честности не сомневался, а вот он мне все никак не мог простить скрытности, из-за которой у него не получалось понять полную картину происходивших недавно грандиозных событий. Может, чуть позже, в интересах все того же следствия, придется поведать ему о некоторых тайнах, да и о Бульке тоже, но пока я не

видел в этом смысла. Пусть ветеран сам корячится в расследовании, может, чего и достигнет без лишнего вмешательства.

Поэтому я только с таким барским пафосом одобрил:

– Похвально! Весьма похвально твое стремление добиться справедливости. Со своей стороны, я тоже обещаю помочь всем, что в моих силах. А конкретно: надеюсь, что вспомню, когда я это писал и кому. Единственное, что могу утверждать со стопроцентной гарантией: данный вопрос не был обращен к покойному министру. И записка никак не могла быть написана в последние шесть, а то и семь месяцев. Скорей всего она появилась еще до моего неожиданного отъезда на планету Земля. Или в тот трехмесячный период, когда я пропал из Старого Квартала, но еще не улетел на Землю.

Рекс задумчиво убрал записку в карман:

– Попробуем сделать экспертизу. Может, для определения возраста и хватит... И все равно, Танти, такая попытка тебя очернить смотрится несколько несуразно. Допустим, когда тебя моусовцы держали в плену и пытались вырвать государственные тайны, они все равно на тебя ориентировали свои некоторые далеко идущие планы. Ну и могли тебя заставить писать сонмы разных записок на все случаи жизни. В том числе и для попыток компрометации некоторых чиновников или для попыток их шантажа или подкупа. Но тогда получается, что в нашем окружении остается человек, а то и несколько, ниточки от которых ведут в те самые печальные для тебя три месяца. Возможно ли такое?

Ну, раз он сам, да еще и вежливо, приглашает меня поделиться своим мнением, то я никогда не откажу подобающе оформленной просьбе:

– Вряд ли в наших рядах остались моусовцы или даже шпионы Доставки. Скорей, здесь уже стали действовать иные силы, которые просто использовали доставшееся им от наших врагов так называемое «культурное наследство». Уверен, что результаты моих допросов, видеозаписи и оставшиеся документы хранились где-то далеко, в нейтральном месте. Но это ведь не значит, что в том месте не пересекались интересы иных разведок. И сейчас, когда началась подковерная война за покупку патентов и за приобретение первых партий стахокапуса, некогда нейтральные нам силы могли стать если уж не врагами, то недоброжелателями. И не тебе ли не знать, Энгор, что добрая половина

обитателей Галактики душу дьяволу заложит, союзника утопит и папу продаст, как только появится возможность заработать парочку миллионов галактов...

– А вторая половина обитателей, – в тон мне продолжил Бофке, – если появится возможность заработать больше парочки миллионов, еще и маму родную пристроит рабыней на плантации.

Я тут же деловито поинтересовался:

– А ты к какой половине относишься?

Глаза моего собеседника блеснули угрозой:

– Мне повезло. Я – то исключение, которое призвано заставить любого обладателя миллионов жить с оглядкой и бояться справедливого возмездия за свои прегрешения.

Уж слишком серьезная у него была физиономия, и я не удержался от ерничества:

– Коллега! Что же ты раньше молчал?! Я бы подсказал Ветру, и он бы принял тебя в свой отряд. Ты бы тогда сразу таких предателей, как генерал Савойский, вылавливал и иже с ними! Ты ведь помнишь, как он мне помог восстановить доброе имя? Вот! И тебе бы он помог, если бы ты был с ним более открытым и дружелюбным...

– Обойдется и без моего дружелюбия, – проворчал Рекс.

Вспоминать о своих просчетах в работе он не любил страшно. А таких просчетов у него, которые я, к счастью, успевал ликвидировать со своими друзьями, оказалось немерено. Припомнить хотя бы тот момент, когда заговорщики пленили императора Януша Второго и уже вводили ему домутил, желая выведать главные тайны о стахокапусе. Тогда положение спас Николая, положивший парализующим выстрелом всех скопом в кабинете первого человека империи, но и себя отключив на несколько часов отдачей. Ну и мой своевременный звонок Энгору помог справиться с ситуацией и повязать банду Соляка. Следовательно тогда со стаей своих подручных успел вовремя, хотя от

быстрого бега по коридорам дворца чуть инфаркт не получил.

Он встал и пробурчал вместо прощания:

- Танти, надеюсь, что ты отнесешься к этому делу серьезно!

Да так и ушел, ни приятного аппетита не пожелав, ни спокойной ночи.

А раз я не сплю, то пора и остальных на ноги поднимать. Я достал крабер и набрал номер Алоиса. Когда кто-то хрюкнул мне в ответ, я начал с максимальным воодушевлением:

- О, юный мавр! Надеюсь, ты уже бодр и полон сил! Поэтому не станешь мне плакаться, что ты больной старый негр и тебя уже все достали?

- Не стану... - согласился друг. - Потому что еще сплю-у-у...

Затихающая гласная в конце слова показала, что он и крабер вот-вот выронит из рук, проваливаясь обратно в сон. Пришлось выбить частую дробь ногтями себе по зубам, подавая знак «Наивысшее внимание!». Старая привычка и может кому-то из посторонних показаться глупой, но в нашей команде она действовала безупречно.

- Что случилось? - уже целиком проснувшимся голосом спросил Алоис.

- Умер министр энергетики. Есть подозрения, что ему помогли уйти в мир иной. Еще и меня пытаются подставить.

И я пересказал все, о чем мы поговорили с Бофке.

- А я ведь предупреждал, что с этими стахокапусами официальный Оилтон еще намучается, - напомнил наш аналитик о своих экскурсах в ближайшее будущее. - Следовало для этого дела подвязать специально созданный отдел.

- Ага! Умник выискался! Тебя ведь уже спрашивали: из каких шишей этот отдел создавать и кого там поставить у руководства? И что ты ответил?

– И сейчас отвечу: не моего ума дело. Есть там всякие начальники по кадрам, командиры Дивизионов, консорты и прочие. Вот пусть у них голова и сохнет. Мне и так выспаться не дают. В кои-то веки себе выходной выбил! Знал, как после вашего мальчишника чрезмерные дозы алкоголя скажутся на старом, израненном...

– Ну, все! Хватит плакаться, а то прямо сейчас отправлю в омолодитель! Поднимай свою черную задницу, и за работу! Отыщи мне всех и вся, что может вывести нас на недавнего обладателя этой странной записки. Мне кажется, это единственный стоящий след. Причем необязательно, что к возможным убийцам министра. Вполне возможно, и к тем, куда ведет ложный, отвлекающий след.

– Не волнуйся, Танти, отыщу! – чувствовалось, что Алоис уже встал с кровати и разговаривает на ходу. – наших ребят будешь подключать к этому делу?

– Нет. Пусть постепенно и вразнобой выдвигаются к точке нашего рандеву. Уже больше никак нельзя откладывать попытки по розыску и спасению Броверов.

Закончив разговор с Алоисом, я стал названивать остальным членам нашей боевой команды.

Глава 7

Отступление третье, козырное

Каждый из нашей команды до системы Красных Гребней должен был добираться отдельно от остальных и разными, окружными путями. При этом у каждого возникали свои специфические сложности, которые приходилось решать с помощью давно запланированных и, казалось бы, совершенно не имеющих отношения к делу мероприятий. Такие превентивные меры по сохранению наивысшей тайны диктовались не только опасениями о возможном наблюдении за нами моусовских разведчиков.

Хотя, казалось бы, чего проще: я, как имеющий на то право и полномочия консорт, инициирую разработку тайной операции, и мы, нисколько не скрываясь

от вышестоящего командования, отправляемся в бой. Но как раз в словосочетании «вышестоящее командование» и крылась главная заковыка. Кто считался выше меня и имел право изменить ход подобной операции, а то и запретить ее проведение? Да только один человек: ее императорское величество. А от моей любимой «принцессы», при решении такого вариативного вопроса, можно было ожидать чего угодно. Во-первых, она, будучи уверенной до сих пор, что Роман и Магдалена Броверы погибли, ни на каких условиях не разрешила бы нам рисковать жизнью. И как руководитель империи имела на это все права и рычаги влияния.

Во-вторых, поверь она в аналитические выкладки Алоиса и загорись желанием помочь нашим друзьям, было бы только хуже. Императрица могла бы использовать сразу три вида помощи, которые нас ну никак не устраивали.

Первый: устроить маневры одного из космических флотов. Армада как бы ошибочно атакует планету Элиза в системе Красных Гребней, каторжан освобождают, дело сделано. Увы, когда мы такой вариант просчитали, то поняли: так товарищей, коль они живы, мы погубим с вероятностью восемьдесят пять процентов.

Второй: Патрисия направила бы на планету Элиза нескольких лучших агентов разведки, ставя уже именно перед ними конкретную задачу. А те без соответствующей экипировки и сопровождения погибают там с вероятностью семьдесят пять процентов. При этом и Броверам на выживание дается всего десять процентов.

Ну и третий: моя любимая если уж решится на отправку нашей команды, то только вместе с собой (а зная ее характер, я в этом не сомневался). При этом соглашаясь быть не командиром, а моим замом. А вот этого, пусть она даже с нами рвалась на дело в должности рядового, никто из нас был допускать не вправе. Место консорты, начальника стражи и всех остальных, в случае появления вакансии, всегда найдется кем прикрыть. А вот императрица у нас одна. Детей у нее нет. Ее старший брат Януш, уже побывавший императором и отрекшийся от престола в силу своих моральных соображений, не имеет права повторно надеть корону. И в случае кончины последней представительницы династии Реммингов в Оилтонской империи разгорится борьба за трон. Начнутся беспорядки и прочие, не поддающиеся контролю или предвидению, неприятности. Конечно, порядок будет восстановлен, и на троне в любом случае окажется единственно верная личность – нынешним силам, сосредоточившимся

вокруг трона, хватит для этого и решительности, и мускулов. Но сколько же рек крови при этом прольется!

Вот по этим-то причинам мы и ни единым намеком не хотели давать ее императорскому величеству поводов для беспокойства.

И решили все это дело провернуть сами: быстро, сердито и без лишнего, совершенно ненужного ажиотажа. Тем более что только у нас в команде было четыре уникальнейших козыря.

Основной козырь – это Булька. Только благодаря ему я умел менять свой облик, отпечатки пальцев, сетчатку, голос, становиться выше на три, а то и пять сантиметров, не дышать минут десять под водой, моментально заращивать на себе раны и в короткое время сращивать поврежденные артерии, ткани и сухожилия. Ну и масса иных полезных свойств и качеств, предоставляемых мне моим симбионтом, делали меня беспримерным, самым лучшим в истории человечества шпионом, разведчиком, диверсантом, лазутчиком и так далее и тому подобное. Я внешне мог собой заменить многих. Жаль, что не самого Моуса – он был сантиметров на десять ниже. И это в определении именно моего участия решало все.

Самым слабым звеном в нашей команде являлся Цой Тан. Он не умел хорошо стрелять, не умел бросать ножи, в рукопашной схватке проиграл бы Амалии, плохо бегал и еще хуже скрытно ползал. Не умел взломать коды доступа или толком воспользоваться уже имеющимися, и его могла «спалить» все та же женушка Амалия, подняв ненужный скандал на тему: «Кто-то похитил моего мужа-а-а-а!.. А-а-а!!!»

Что могло положительно охарактеризовать нашего друга, влившегося в нашу команду на Земле, так это верность, отзывчивость, открытость, честность, владение очень многими языками и бесподобные знания флоры и фауны массы изученных человечеством планет. Но, увы, все эти положительные свойства нашего товарища, как ни горько это было осознавать, меркли на фоне второго главного козыря в предстоящей операции.

Этот козырь у нас появился четыре месяца назад, во время моего торжественного бракосочетания с Патрисией. Тогда мой кровный (в полном смысле этого слова) друг Булька настолько переел (вместе со мной,

естественно), что вдруг заявил со стоном:

«Танти, мне плохо!.. Прощай! Кажется, я умираю...»

Хорошо, что я в тот момент находился не за общим столом и не в беседе с нужными деятелями, съехавшимися на нашу свадьбу со всей Галактики. Опрометью бросился в наши комнаты, где уже имелась оборудованная специально для Бульки научная лаборатория. Порой ведь и у риптонов бывают некоторые болячки, которые он лихо устранял, «закусывая» два оголенных провода, по которым струился ток с напряжением от двенадцати до двадцати восьми вольт. Ссадив своего друга на стол с проводами и реостатами, я, посредством контакта рукой с его телом, озабоченно выпрашивал, что ему подать, как помочь и чем побрызгать. Иногда, для лучшего вывода алкоголя или яда из крови, мы использовали теплый или контрастный душ.

Но Булька только плакался на непонятные боли и умолял не убирать руку с его тела, тем самым облегчая последние минуты жизни. Все-таки плохо вот так жить существу, которому кто-то из родителей в юности закинул необработанным пластом информацию в эфемерный мозг, а потом и отдал в руки человека, так и не воспитав и не объяснив очень нужные вещи. Часть информации мой друг так и не освоил во время взросления на моих плечах, часть не сумел вскрыть, а что-то вообще отверг со свойственным ему пофигизмом. И, как итог, ничего о себе толком не знал.

Вот потому он и думал, что умирает, когда на самом деле у него настала пора... деления. И на моих глазах от деформированного комка плоти, которым выглядел в тот момент несчастный риптон, отделилось, сползло, натекло, отвалились, отслоилось (затрудняюсь дать точное определение, потому как плохо соображал в тот момент и глаза мои слезились от расстройства) нечто темное, общей массой килограмм-полтора.

«Все! – стонал Булька в предсмертной панике. – Я начал разлагаться!... Прощай, Танти...» – и его специфическое бульканье стало затихать.

А я замороженно уставился на новый, начавший самостоятельно формироваться комочек. Потом комочек качнулся из стороны в сторону и... покатился (я в тот момент чуть смехом не подавился!) к своему мампапе. Ткнулся ему в бок несколько раз подряд и, уморительно пискнув, покатился неспешно к краю

стола.

Чисто инстинктивно я попытался преградить путь только что сформировавшемуся чаду второй рукой и чуть не поседел от истошного вопля в моем сознании:

«Не трогай его! У тебя уже есть я!»

Ничего не оставалось, как, судорожно проглотив комок в горле, пошутить:

– Поздно! Ты уже умер!

Как бы не так! Живее всех живых мой риптон оказался! Проворно вырастил у себя длинный отросток в виде тонкой ленты и оградил риптоненка таким внушительным забором. И поделился родившимся у него мнением:

«Наверно, так и должно было быть. А я-то распереживался в последнее время, думал, что на меня болезнь свалилась – ожирение. Почти три лишних килограмма набрал! Хм! И вот кто бы мог подумать...»

Я решил уточнить:

– Так ты передумал умирать?

«И не стыдно тебе? А еще друг называется! – стал укорять меня Булька. – Посмотрю, как ты будешь реагировать на детей, которых родит твоя Патрисия! Вот тогда я над тобой посмеюсь и поиздеваюсь!»

– Да ладно тебе!

«Кстати! Беги-ка ты лучше к своей невесте, а то или ее уведут завистники, или она сама сюда примчится и мне все торжество испортит...»

Ну, я и вернулся на свадебное пиршество, облегченный на двадцать пять килограмм и успокоившись о судьбе моего друга. А может, и зря я так поспешил оставить Бульку? Может, следовало как раз в те первые минуты и решить весьма и весьма важный вопрос: «А кому будет принадлежать отпочковавшийся

риптоненок?»

Потому что когда я малость пришел в себя после свадебных пертурбаций, этот вопрос уже был решен Булькой самостоятельно:

«Учитывая склонности, привязанности и общегуманитарные ценности всех известных мне людей, а также руководствуясь высокой исторической ответственностью перед своим потомством, я выбрал для Вулкана достойного носителя!»

Я сбил весь пафос его вступления вопросом:

– Почему это ты выбрал для малыша такое странное имя?

«А чем оно тебе не нравится? Мощь, пламя, неукротимость и сила в одном флаконе! Не правда ли?»

– Неплохо звучит, но мог и со мной посоветоваться! Все-таки в нем и моей крови предостаточно.

Но риптона смутить не удалось, излишней деликатностью он тоже не страдал:

«Ничего страшного с тобой не случится! Зато получишь право выбрать имя для следующего нашего малыша...»

– Но мне лучше знать, кто для Вулкана лучше всего подходит на роль друга и носителя.

«Да я и не сомневался, что наши мнения в этом вопросе совпадут! Поэтому уже час назад дал возможность Цой Тану прикоснуться к малышу, познакомиться с ним, запомнить матричную структуру своего организма...

Я, конечно, рвал и метал, потому что одаривать наше самое слабое звено таким невероятным бонусом – это все равно что школьнику, подвизающемуся на подносе патронов для армейских ветеранов, вручить ультрасовременный гелемет или сразу два игломета. А обиженным ветеранам показать кукиш с маслом и оставить дальше воевать с винтовками.

Скандал у нас получился пренеприятнейший, и после него мы сутки не разговаривали друг с другом, а я вообще хотел было отказаться от риптона. Он сам пошел на мировую, найдя меня в виртуальной информатории и осторожно коснувшись руки:

«Танти, если мы будем ссориться и ты от меня откажешься, я ведь умру, – сказал он и, пока я набирал воздуха в грудь, поспешно добавил: – И я признаю, что был не прав, погорячился. Следовало вначале и в самом деле с тобой посоветоваться...»

Да и куда бы мы делись? Все равно бы помирились... Но с тех пор Цой Тан ходит во дворец на работу, где ему официально подсунули синекуру попроще и только из-за нежелательности присутствия возле него Амалии. Все-таки наличие еще одного риптона – это уже невероятная тайна, о которой мы даже Патрисии, после бурного совещания, решили ничего не говорить. И в одной из комнат Булька резво и постоянно муштрует новую пару человек-симбионт для самых различных боевых и житейских ситуаций. Для ее императорского величества было придумано объяснение: дескать, специалист по флоре и фауне усиленно помогает гениальному ученому Бульке в новых разработках.

После свадьбы Малыша я отправил его вместе с Синявой в так называемое свадебное путешествие с далеко идущими планами. Уже во второй раз великолепная яхта «Саламандра» доставила свою хозяйку к планете электромугов, но теперь не в роли пленницы, а в роли повелительницы когда-то пленившего ее пирата. Я поставил Малышу конкретную задачу: «Делай что хочешь, борись с кем угодно, подкупай как сумеешь, ползай на коленях и умоляй, но кровь из носа раздобудь у кошмарных и агрессивных аборигенов хотя бы десяток риптонов!»

Увы! Электромуги лишний раз подтвердили свою репутацию жутко несговорчивых и негостеприимных существ. Что только Малыш им не обещал, что только не устраивал и как не старался развлечь, толку никакого не добился. И только будучи уже в паре с Синявой, которая захватила с собой на планету новую игру, разработанную в Железном Потоке, добился частичного успеха. Игра по сути своей простая, когда в ней немножко разберешься, и основанная на столкновении стальных шариков на нескольких гравитационных уровнях. Она аборигенов дико заинтересовала.

Они требовали дать игру им в руки, чтобы присмотреться как следует и разобраться в тонкостях, а госпожа Кассиопейская пустила в ход приемы базарной торговли. Приемы, честно говоря, недостойные аристократов, и потом Малыш плакал от... смеха, когда рассказывал о подробностях торга. Но факт оказался фактом: щупальца электромугов возложили на шеи молодоженов по одному риптону. Взамен электромуги получили два десятка игр и с увлечением окунулись в омут новой забавы. Конечно, игрушка для них оказалась простейшей, и когда хитрые гости улетали, им вслед уже хлестали молнии и раздавались угрозы, но вояж с натяжкой можно было считать удачным. Хотя бы один из лучших бойцов – Малыш стал достойным носителем «мечты разведчика». Потому что Синяву мы тоже приравнивали к слабому звену, которому вообще в нашей команде было не место.

Правда, она хорошо бросала ножи, отлично владела рапирой, а в рукопашной могла поломать до смерти сразу троих таких ботаников, как Цой Тан. Поэтому волей-неволей нам пришлось включать настырную и настойчивую госпожу Кассиопейскую в наши предстоящие расклады. Хочешь не хочешь, а подобные козыри из колоды даже последние дураки не выкидывают.

Эти риптоны, которые были на пару недель старше Вулкана, обучалась, в основном, отдельно. Можно сказать, в семье аристократов-молодоженов. Для этого использовали составленные Булькой методички и учебные пособия. Мало того, когда Малыш с супругой навещали меня во дворце, ветеран собирал молодежь в своей лаборатории и непрерывно, часами вел обучение разным шпионским премудростям. Благо, арсенал мы с ним во время интенсивных приключений собрали огромный. Молодые риптонята внимали, а потом уже со своими носителями закрепляли навыки.

Малыш назвал своего симбионта Свистуном, а Синява своего – Одуванчиком. По поводу имен у нас сразу же появились анекдоты. Их героями были все четыре риптона. Большинство анекдотов придумывал ветеран Булька, и сам же громче всех над ними ухохатывался. Потому что все время почему-то у него полными лопухами и недоумками получались именно носители. А вот риптоны – прямо такие все белые, пушистые, хоть картины с них рисуй да в рамки вставляй.

Но как бы там ни было, обучение шло полным ходом, и наши козыри, если можно так выразиться, уже доросли до тузов. Именно поэтому я приказал форсировать начало операции по поиску и спасению Романа и Магдалены Броверов.

Пошла жара!

Глава 8

Столица Оилтонской империи

В течение четырех дней в Пиклию отправились Армата и Николя с Зариной. Они, естественно, очень хотели побывать и гульнуть на свадьбе Гарольда и Нины, но дело превыше всего. Иначе было бы слишком подозрительным, отправься мы все в разные стороны одновременно.

Да и кому-то следовало заявиться в тылы врага заранее, осмотреться там на месте и составить первое мнение о предстоящих действиях. Ну а все остальные члены нашей команды метались как угорелые, стараясь завершить текущие дела и последние приготовления к операции. Да и некоторым из нас следовало поднапрячься изрядно, чтобы их отъезд выглядел естественным.

В этом плане Гарольду Стенеси было легче всего. Потому что после свадьбы он отправлялся со своей супругой в свадебное путешествие. Понятное дело, на такой должности, как начальник дворцовой стражи и командир отряда телохранителей императорской семьи, много не попутешествуешь, и ему выделили всего неделю. Ни он сам, ни его боевая невеста нисколько не сожалели, что и эту неделю им придется провести не где-нибудь на райском курорте или на планете с экстремальным туризмом, а в кропотливой и рискованной деятельности по спасению четы Броверов.

Гораздо сложнее было придумать причины дальнего и долгого путешествия для нашего графа Цой Тана и его нового, тайного для всех друга Вулкана. Тут была разработана многоходовая комбинация. Сразу после свадьбы четы Стенеси все семейство Эроски отправлялось на планету Леири, для вступления в права собственности на подаренный им остров. Подарок был сделан от имперской канцелярии за подвиги семейства Эроски во время вторжения, бунтов и при раскрытии вражеских агентурных сетей. Причем имя Амалии тоже стояло в списке героев, потому что она и в самом деле умудрилась оказать несколько раз неоценимую помощь нашей контрразведке. Как следствие, ей отвертеться от поездки ну никак не получалось. Да она и сама была в восторге и предвкушении.

Ну, а ее обожаемого супруга, которого она боялась отпустить самостоятельно перейти дорогу с пешеходами, строгим приказом оставляли для продолжения важной работы в императорском дворце. То есть в надежном и безопасном месте. Амалия уже смирилась с предстоящей разлукой, хотя так и рвалась все время во дворец. Все-то ей хотелось рассмотреть и пощупать рабочее место Цой Тана. Пришлось для ее успокоения и призывов вести себя достойно использовать как ее боевого кузена Корта, так и не менее геройскую мать, которую я всегда любовно называл тетушкой Освалией.

А чтобы потом не было скандалов в семье, для неожиданного отъезда самого Цоя была придумана отличная причина. Якобы стало известно о месте проживания его отца, знаменитого путешественника, исследователя флоры и фауны. Дескать, отец приболел и, узнав о живом сыне, сам никак не мог ринуться к нему навстречу, вот молодому графу и придется отправиться в дальний путь. Если потом у Амалии возникнет вопрос: «А где же твой папа?» – Цой ответит, что двух людей с одинаковыми именами и с одинаковыми семейными обстоятельствами попросту спутали. Чего только не случается в великой Галактике!

Ну а уж про меня – отдельная песня. Скрыться от любимой на некоторое время должны были помочь мои вновь обретенные родственники. Алоису и нанятым им людям удалось выяснить мою родословную как раз в момент возвращения мне доброго имени и восстановления всех моих прежних заслуг и регалий. С младшим братом Цезарем, еще не зная, что он мне родственник, я познакомился и близко подружился на состязаниях за руку принцессы. Ну а родители, узнав, что у них сын (да еще какой!), прибыли в столицу несколько позже. Да и вообще сам факт нашего счастливого воссоединения, это настолько немислимая и волшебная история, что до сих пор в нее никто особенно не верит. Почти все средства массовой информации дружно решили, что это вполне нормальный и оправданный рекламный трюк. Ибо жениться наследнице престола на каком-то безродном, никому неизвестном сироте – дело несуразное и постыдное. Вот, мол, спецслужбы Оилтона поднатужились и претворили дивную сказочку в жизнь, превратив безродного обывателя, пусть и прославленного героя, не в кого-нибудь, а в герцога.

Мне было по глубокому вакууму, что там говорят и обсасывают в желтой прессе. Я чувствовал сердцем и верил всей душой. Да и первая встреча окончательно отбросила прочь самые мизерные сомнения. Мой отец Октар оказался даже внешне именно тем мужчиной, которым я мог представлять себя в его возрасте.

Мать... о ней я теперь постоянно вспоминал, радуясь, что у меня есть женщина, которую я могу смело называть мамой. Причем ею оказалась та самая женщина, которую я видел в своих детских, да и юношеских снах. Но если раньше ее образ был расплывчатым, то после первого же взгляда на Диану Малрене он отложился в моем сознании окончательно. Отныне я был уверен на сто процентов, что это именно величественная, родная и добрая Диана мне всегда и снилась!

С братом, как я уже сказал, мы познакомились раньше, но когда нас представляли друг другу и он понял, с кем боролся за руку и сердце ее высочества, то чуть с ума не сошел от счастья. Для него обретение родного брата стало, похоже, большим событием, чем собственное появление на свет.

Ну и еще оказалось, что у меня есть две милых сестрички десяти с половиной и двенадцати с хвостиком лет. Вначале тихие и стеснительные, они потом так разошлись и расшалились, что если у кого еще и оставались бы сомнения, они бы сразу и окончательно развеялись: одна и та же кипящая кровь в наших жилах! Такие же непоседы, баловницы и отчаянные сорвиголовы, каким и я был в детстве.

Тогда мои родные побыли с неделю и поспешили обратно домой. Уж слишком неожиданно они сорвались с места, узнав обо мне. Вернулись они через три недели, на мое бракосочетание с Патрисией, и тоже побыли неделю. Еще один раз они на четыре дня прилетали на коронацию моей супруги и возведение ее на престол Оилтонской империи. И каждый раз настоятельно звали меня в то место, где я родился. Да мне и самому жутко хотелось побывать на своей родине, но текучка не давала свободно вздохнуть, не то чтобы выкроить недельку-полторы для путешествия.

Но когда пришло время, волей-неволей пришлось воспользоваться приглашением родных, ибо главная система нашего герцогства, Звездные Блики, располагалась в сравнительной близости к королевству Пиклия. Почти рядом с той самой системой Красных Гребней, где и находилась планета Элиза с нужным нам лагерем. Совесть, конечно, меня мучила, что придется еще и родных подключать к готовящемуся обману моей любимой супруги, но почему-то я был уверен: они все поймут и поддержат меня во всем. Тем более что я был намерен посетить Элизу только в апогей всей нашей операции, когда друзья подготовят пути-дорожки для главного удара и эвакуации как участников акции освобождения, так и возможных узников Донышка.

Ну и вдобавок младший брат Цезарь с удовольствием поучаствует в нашей операции. От такого великолепного, профессионального воина ни одна боевая команда не откажется. Он, командуя большим конвоем военных кораблей, должен был поддержать наши действия в случае глобального военного столкновения с флотом Пиклии.

Кстати, я довольно грамотно и заблаговременно подвел Патрисию к проявлению инициативы. И она уже настаивала на моей поездке на родину. Мне следовало совершить попутно два деяния: привезти сестричек для обучения в высшей дипломатической школе Старого Квартала и окончательно уговорить брата Цезаря на переход на службу в Дивизион. Все-таки он как бы заочно сдал все экзамены, завоевав второе место в длительной борьбе за право стать мужем ее высочества. Причем и сама борьба, и предложенные претендентам испытания не имели аналогов в истории. О сестричках уже договорились, согласие от всех было получено. Ну а если еще и Цезарь окажется в столице, то и родителям ничего не останется, как перебраться в Старый Квартал. Чего им там прозябать, в ничего собой не представляющем нищем герцогстве?

Я все оттягивал поездку на родину, ссылаясь то на страшную загруженность, то на предстоящую свадьбу моего лучшего друга. Но уже после свадьбы сказал, что точно отправляюсь. Моя любимая меня так серьезно благословила, что я даже боялся той минуты, когда придется, глядя в укоряющие глаза, отчитываться о проделанной работе.

Так что теперь главное – не сглазить.

Ибо могло случиться все, что угодно. Да оно ежедневно случается. Пример: та же неожиданная смерть министра энергетики. Вроде и ничего страшного или революционного, но...

Тот умер, того убили, там стряслось, тут загорелось, и такое светопреставление могло начаться, что мы до Броверов еще не один год добираться будем. Только и твердил про себя как заклинание: «Ромчик! Коршун ты наш! Вы, главное, там продержитесь!» А уж о том, что Алоис изначально ошибся в своих выводах и наших резидентов на каторге нет, я даже думать не хотел. «Там они! Там! – говорил я себе при малейших дуновениях сомнений. – И мы их оттуда вытащим!»

При обсуждениях предстоящей операции было не раз предложено задействовать и иные силы. Их у нас насчитывалось предостаточно. Я имею в виду силы неофициальные, которые никто бы не смог идентифицировать как посланные спецслужбами Оилтона.

То же самый герцог Лежси, у которого имелась небольшая частная армия, сравнимая по мощи разве что с Дивизионом. Несмотря на то что мы с Мишелем несколько раз знатно поцапались, вплоть до мордобития и синяков по всему телу, наши отношения перешли в разряд самых дружественных и доверительных. Тем более когда ему были предоставлены все записи и видеосъемки материалов, в которых он сомневался. Напоследок и его якобы похищенная невеста подробно рассказала, как ее скорей уговаривали согласиться на похищение, а потом предугадывали каждое желание и сдували с нее пылинки во время короткого пребывания в роскошных апартаментах. Тогда Лежси понял, что таковы были обстоятельства, и простил вынужденные хитрости моей команды окончательно.

И именно он не просто частенько повторял, а прямо и открытым текстом настаивал:

– Танти! Моей армии застаиваться нельзя! Тем более что сволочей по всей Галактике до сих пор ползает немереное количество. И знаю, что ты в стороне от разборок с преступниками никогда не останешься. Поэтому требую: всегда давай мне знать и бери с собой! Понял? Иначе...

Я сжимал кулаки, становился в боксерскую стойку и говорил:

– Да я всегда готов!

Помимо этого, у нас в помощниках числились внутренние войсковые соединения барона Аристронга. Мой старый друг Зел и его сын Артур, с которым мы дружили с не меньшей силой, готовы были двинуть своих воинов на какие угодно разборки. Только и стоило дать координаты и описание преступников. И совсем не потому, что они считали себя обязанными мне спасением их жизни, а потому что и сами жестко относились к любым нарушителям мира, порядка и спокойствия.

Имелись у нас и отлично себя зарекомендовавшие сыскные агентства. И еще несколько команд наемников, в честности которых, лояльности и умении сохранить тайну мы нисколько не сомневались.

Да только мы приняли решение пока никого из них не привлекать. Если вдруг что-то пойдет не по сценарию, возникнут трудности или потребуется дополнительная огневая поддержка – есть краберы. И попросить о чем-то – минутное дело.

Чем малочисленней группа боевиков, участвующих в операции, тем больше шансов сделать дело тихо, быстро и без жертв. Уж кого-кого, а нас этой истине с юношеских лет обучали.

Только бы чрезвычайные обстоятельства нам не помешали.

А дело с умершим министром энергетики все больше закручивалось в весьма неприятную и даже опасную спираль. Эксперты пришли к выводу, что, с большой долей вероятности, вечером перед своей кончиной министр был опоен неким средством, которое через восемь часов после употребления резко сгущает кровь. Что весьма опасно во время сна. Бодрствуй человек, он бы заметил, что ему становится хуже, поднял тревогу, и его могли бы спасти. А так чиновник умер во сне, и, будь он не настолько важной фигурой в империи, его смерть прошла бы по разряду «неполадки со здоровьем».

Энгор Бофке, со своей стороны, тоже «грыз землю» и раскопал довольно много стоящего материала. Были поминутно проверены все дни министра в последний месяц его жизни, отслежены контакты, и уже выявившиеся детали заставили крепко призадуматься. Человек, который подсунил в пищу сгущающий кровь препарат, исчез. Им оказался полномочный представитель торгового консорциума с колоритным названием «Процветание». Его последний след чуть ли не в полночь был зафиксирован возле терминалов космопорта. А вот ни в одном из протоколов или в списке пассажиров полномочный представитель так и не всплыл. То есть гарантии, что он покинул Оилтон, никто не давал. Но так как положение не военное и выбраться со столичной планеты намного проще, чем на нее попасть, то любой человек при желании мог убраться в космос, не оставляя указаний о маршруте.

Руководство консорциума само не знало, что случилось с его представителем и куда он нежданно запропастился. По крайней мере так было с их стороны заявлено официально. Тогда как агенты и аналитики выявили определенные связи пропавшего, будем уже откровенно говорить, отравителя, с некими полукриминальными структурами, которые огромные капиталы, нажитые нечестным путем и на игровом бизнесе, вкладывали в крупнейшие предприятия не только своих систем, но и целой Галактики. И эти самые структуры облюбовали себе значительную часть рынка холодильных установок и бытовых нагревательных приборов. Вот с этого места Энгору Бофке стали видны некие далеко идущие ниточки. И опытный сыщик сделал правильные выводы.

Другой вопрос, что вот так прямо, имея на руках только косвенные доказательства и выводы аналитиков, нельзя было заявить во всеуслышание о конкретных виновниках, преследующих конкретные преступные цели. Если уж и выступать с обвинительными речами, то их следовало подкрепить более существенными и вескими доказательствами.

Но хуже всего, что на покойного министра пало вполне обоснованное подозрение в заведомо продуманном участии в переговорах с исчезнувшим представителем консорциума. То есть он и в самом деле потребовал, скорей всего, для себя некий откат или предварительную мзду за первые, проданные в должные руки партии стахокапусов. Ведь это было вполне естественным мнением каждого потенциального покупателя: если я скуплю как можно больше чудесных тепло- и хладоаккумуляторов, то пока на рынок пойдут большие партии этого остродефицитного товара, я в своих лабораториях сделаю то же самое. И без всякой покупки немыслимо дорогого патента закидаю рынок своим нелегальным товаром.

Поступило предложение чуть ли не первому лицу, и похоже, что глава энергетической промышленности Оилтонской империи решил сыграть ва-банк, запросив нереально огромную мзду. Покупателям показалось это неслыханной наглостью, и его попросту убрали. Так могло показаться на первый взгляд.

Но Рекс копнул еще глубже и из своих размышлений сделал неожиданный вывод: министра могли убрать совсем иные силы, а на консорциум с полулегальным капиталом просто умело перевели стрелки. Причем записка, написанная мной, могла как раз и оказаться в руках тех самых иных сил, о которых следователи пока не имели ни малейшего понятия.

Сразу же возник вопрос: а кому это нужно? Кому будет выгодно, если вдруг вся мощь карательных санкций падет на голову консорциума «Процветание»? Ведь не секрет, что сил Оилтону хватит для распыления в прах не одного такого консорциума, причем сил как явных, так и тайных.

По мнению знаменитого Рекса, выгодно могло быть всем. В первую очередь королевству Пиклии, правящий режим которого являлся нашим злейшим врагом. Мало того, Моус Пелдорно, по печальному недоразумению незаконнорожденный сын одного из предыдущих наших императоров, еще и претендовал на ту самую корону, которая сейчас украшала головку моей любимой женщины.

Во вторую – воду могла мутить Доставка. Крупнейшая промышленная конгломерация Галактики, владеющая патентами на производство притана, краберов и устройств телепортации дистиллированной воды, получила от нашей империи весьма болезненный щелчок по носу и жесткое предупреждение: еще раз попытаетесь вмешиваться в наши внутренние дела, предадим огласке все ваши неблагоприятные делишки, которые вы творите по всей Галактике. Благо, что у нас компрометирующего материала как на Дирижеров, так и на всю Доставку целиком скопилось предостаточно. Благодаря мне и подвигам моих товарищей мы сумели выжать в допросах такую неблагоприятную для зажавшихся Дирижеров информацию, что она еще несколько лет будет вполне актуальна.

То есть действовать нагло, как было раньше, против нас не смогут. А то дошло до того, что Дирижеры без обиняков советовали, кого назначать министрами, как проводить внешнюю политику, и указывали, куда не стоит влезать со своими новыми промышленными разработками. Помню, когда я узнал об этом, меня чуть ржавчина не съела. И я в порыве бешенства готов был разорвать руками попавшую ко мне для частного разговора руководящую крысу Доставки. Крысу, конечно, впоследствии пришлось отпустить, но выдоили мы ее по полной программе. И теперь представители Доставки в нашей империи ведут себя тише воды и ниже травы. Мало того, они стали быстро терять позиции на нашем внутреннем рынке. А в банковском деле им нанесла сокрушительный апперкот наша новая банковская корпорация «Лугов и оилтонцы».

Между прочим, в создании этой корпорации тоже есть моя заслуга. Уже давно я обратил внимание на оборотистого оилтонского банкира барона Джека Лугова. А после возвращения себе доброго имени устроил встречу с этим оборотистым и, главное, крайне патриотично настроенным дельцом. На этой встрече я

предложил барону создать банковское объединение, где вращалась бы одна треть государственных денег, одна треть его и пожелавших вложиться в дело бизнесменов Оилтона и последняя треть поступала бы от продажи акций на внутреннем рынке. Помню, поначалу Джек с тоской покачал головой и заявил вполне откровенно и со знанием дела:

– Не потянем... Прогорим... Доставка попросту нас задавит...

Но я ведь тоже к встрече подготовился с немалым тщанием и толикой фантазии. И в ответ на такие тоскливые заявления стал только чуточку приоткрывать те секреты, которые выболтала захваченная нами для допроса крыса. А напоследок изложил подробную концепцию наших действий. После чего мнение Лугова изменилось в диаметрально противоположную сторону:

– Ха! Да мы теперь этих козлов так поймеем! – Он чуть подпрыгивал своим огромным телом от восторга, и мне показалось, что крепчайший стул под ним сейчас разлетится в щепки. – С такими сведениями и козырями в руках они через год, максимум два, вообще закроют все свои филиалы у нас! Аферисты поганые!

В итоге новое банковское объединение вот уже четыре месяца как делает невиданные успехи по бескровной национализации наших родных, нажитых нашим же народом капиталов. Министр финансов просто плачет от счастья, Патрисия хвалит меня при каждом удобном случае, газеты воспевают прозорливость барона Лугова и превозносят тех подданных, кто не побоялся рискнуть и купил облигации. А наши конкуренты кусают локти, рвут на себе волосы и от досады лишились сна.

Ну и понятное дело, что Доставка так просто своими интересами не поступается. Рычагов у них много, задумок, как загрести жар чужими руками, – еще больше. Так что скорей всего спецслужбы наших основных конкурентов в Галактике и задействованы в последнем деле. Теперь бы только доказать четко вину, и не надо даже скандалить: я просто звоню кому надо, выкладываю выводы следствия и ехидно так предупреждаю:

– Не уберете свои поганые ручки, отрубим их по плечи. А может, и голова при этом отвалится.

Думаю, этого будет достаточно.

Для пользы дела, посоветовавшись с Алоисом и Патрисией, я все-таки приоткрыл некоторые секреты Энгору Бофке. Имея на руках подобные материалы, Рексу будет намного проще найти нужный след и свести воедино все ниточки.

В конце встречи следователь на меня не злился. И вроде как не обиделся. Зато я впервые его увидел готовым расплакаться от расстройства:

– Ну, Танти! Ну ты... – Он не договорил, махнул на меня рукой и с бормотанием ушел.

А я, обменявшись мнениями с Булькой, который тайно присутствовал при разговоре, поспешил вместе с ним на очередную встречу. На этот раз следовало незаметно пообщаться с профессором Сартре и обговорить с ним некоторые детали.

Глава 9

Императорский дворец династии Реммингов

Детали нашей беседы касались законной вотчины нашего ученого друга, наставника и покровителя. Когда-то в лучшие времена он купил в системе Блеска, на самой окраине нашей империи, довольно солидную и красивую недвижимость. Огромный замок в предгорьях, пару примыкающих к нему долин с садами и прочей приятственной лесной порослью. Планетка невзрачная, малонаселенная, да плюс еще в пограничье. Когда закрутилась карусель неприятностей на Оилтоне, чуть больше двух лет назад, ученый скрылся благополучно в направлении своего замка, где надеялся пересидеть смутные времена. Но, увы, там в его отсутствие, не без помощи выходцев из местного населения, прочно обосновалась банда космических разбойников. Пираты тогда и самого Сартре чуть не убили при встрече, пощадив только по причине его необычных врачебных умений.

Самого профессора удалось оттуда спасти на форсажных скоростях Малышу и Синяве. Но именно, что только спасти, практически выкрав. В то сложное время нам некогда даже было подумать о мести, а уж тем более о должной зачистке

частной собственности великого ученого. А ведь мы давали слово разобраться со всей строгостью, и это не пустой звук. Свои обещания мы стараемся выполнять всегда. Пусть и с запозданием, но качественно.

С этого я и начал разговор с Сартре:

– Хочу сразу извиниться, что до сих пор не очистили твой замок от захватчиков.

– Ой, Танти! Да я уже и забыл про него! – замахал руками профессор. – И по этому пустячному поводу ты сейчас теряешь время?

– Ничего не поделаешь, тварей надо уничтожать везде и всегда. И делать это со всей последовательностью и неотвратимостью. Иначе что получится? Одних пожалели, про вторых забыли, третьих оказалось некогда навестить, и вот уже по всей Галактике половина звездных королевств, а то и империй, такие как Пиклия. Нет уж! Обязательно наведаемся и накажем виновных. Тем более что сделаем это по пути, не теряя на это много времени.

– Не лучше ли тебе послать туда соединение пограничных линкоров? Ведь это их обязанность пропалывать сорняк на границах и наводить порядок на захудалой периферии.

– Верно. В другом случае я так бы и поступил, – пришлось мне пуститься в объяснения. – Но тут вдруг стало интересно, почему мы об этом замке, да и вообще о планете, ничего не знали. Ведь мы тогда тебя искали весьма интенсивно. Ну, я и дал просчитать все, что показалось интересным, Алоису. И наш не белый друг выяснил одну интригующую деталь: и замок, и вся планета идеально подходят для глубоко законспирированной научной базы. После моего похищения, а впоследствии излечения на Земле, мы только благодаря таким вот запасным «космодромам», тайным счетам и тайникам с оружием смогли добиться справедливости и уничтожить чуть ли не поголовно всех наших врагов.

– Да-а? – заулыбался профессор. – Действительно стоящее дело... Но я помню, как ты плевался и кричал: «Зачем консервировать такие гигантские средства?! Это же полный абсурд!»

Я скривился от досады. В самом деле, было и такое в истории. Тогда весьма дальновидные и опытные люди решили и в одной интересной комете нечто

припрятать, и счета в разных точках Галактики открыть на всякий случай, ну и ходы подземные прорыть под столицей и императорским дворцом такие, чтобы о них ни одна сволочь не заподозрила. А я, когда меня поставили об этом в известность, хватался за голову и открыто возмущался. Невзирая на то, что это были сам император и лучший тогдашний воин, командир Дивизиона Серджио Капочи (к огромному моему сожалению, ныне уже покойные...). Но они настояли, да еще и меня лично, как умеющего противостоять любым допросам под домутилом, заставили помотаться по Галактике, расталкивая средства куда требуется и пряча все остальное, что только может понадобится в жизни.

Если бы не их предусмотрительность, то сейчас и мы с Сартре вот так бы тут не сидели, династия Реммингов бы оборвалась, а на месте этого дворца могли быть закопченные руины.

Так что пришлось признать:

– Молодой был, неопытный. – Я развел руками. – А теперь вот сам готов дуть на холодное...

– Да я только «за»! – воскликнул профессор. – Для хорошего дела я второй замок куплю и вам подарю, у меня теперь средств хватает.

– Ладно, с этим мы разберемся. – Я решил перейти к основному вопросу: – Вот карта прилегающего поселка, а вот и план самого замка. Все снимается и записывается, так что прошу ответить на все мои вопросы, а потом и добавить свои личные соображения. Надо будет ребятам впоследствии подумать, как захватить это все без жертв с нашей стороны и с как можно меньшими разрушениями.

– Понял! – посерьезнел владелец недвижимости. – Готов отвечать!

Ну и полтора часа у нас ушло на чисто технические вопросы и уточнения. Заскочить в замок, очистить его, а потом оставить там на некоторое время кого-нибудь из наших мы намеревались на обратном пути. То есть уже после завершения операции на планете Элиза. Со временем, когда наш человек наведет в окрестностях замка окончательный порядок, забросим туда все, что надо, вкуче со строительными роботами, и за два-три месяца резервный научно-исследовательский институт будет готов. Со всеми сопутствующими охранными

структурами и несколькими линиями пассивной автоматической обороны.

Потом туда уже нагрянет сам профессор в качестве приемной комиссии, и запасной научный «космодром» начнет официально отсчет своего неофициального существования.

В тот момент мне все казалось просто и ясно. Да и Алоис просчитывал варианты выполнения всех поставленных задач за два, максимум три часа. Когда все подготовлено и продумано, больше времени на зачистку от мусора и не уходит.

С ученым мы встречались в одной из тайных комнат, в которую даже Патрисия редко заходила. Но зато были уверены, что здесь никто не подслушает и не подсмолит. Расставшись с Сартре, я отправился в малый конференц-зал, где меня уже терпеливо ждали одиннадцать представителей средств массовой информации. Там видеть меня мог каждый желающий, конечно, если бы он имел пропуск на данную встречу. А допуск и мое личное приглашение получили только самые доверенные, несомненно, честные, крайне патриотичные и лояльно настроенные к династии Реммингов и к нынешней императрице. Я сотрудничал именно с ними уже давно, гордился такими знакомствами и всегда твердо знал, что этим людям можно поручить любое эпохальное задание. Как истинные профессионалы, они сделают свою работу лучше всех и, что не менее важно, честней, чем остальные.

Они нашей команде очень помогали раньше, рассчитывал я на их помощь и сейчас. А предстоящее дело касалось свадьбы полковника Стенеси и землянки Нины. Следовало так преподать материалы, а потом и должным образом расписать все бракосочетание, чтобы и народ получил максимум интересной информации, и наши враги ничего лишнего не разнюхали, и нужную нам в воспитательных целях мораль преподнести. А как подобное устроить? Лучше всего, в идеале – отвлечь широкие массы какими-то интересными историями из жизни жениха и невесты. Все эти истории я знал лучше всех остальных, они были согласованы и с самими помолвленными, так что теперь только и оставалось рассказать их и распределить между собравшимися прославленными журналистами и директорами крупнейших информационных корпораций.

Во-первых, в совершенно иной, более романтической и возвышенной версии пошла история самого первого контакта безоружного Гарольда и кровожадной пиратки. Теперь он уже не выступал как ее личный раб, а скорей как попавший к злодеям в плен в неравном бою, после тяжелых ранений рыцарь. А она

выглядела как сострадательная, но гордая и настойчивая островитянка, которая решила во что бы то ни стало помочь сразу ей понравившемуся чужаку. Потом начались свидания, стыдливый поцелуй и отчаянные кровавые поединки героя в честь своей прекрасной дамы сердца. Апофеозом стало сражение Гарольда с мутантом, которого и танком было трудно с ног свалить.

Следующая история – побег с Хаоса, а потом и борьба Гари и Нины за жизни тысяч людей, когда пришлось иметь дело с наваждениями гигантского моллюска Спейлоуда. Затем еще несколько жутко интригующих историй из ранней биографии молодоженов и напоследок подача тех материалов, которые были наиболее выгодными, правильными и своевременными для официального Оилтона.

За рассказанное мною иные информационные агентства готовы были бы заплатить огромные деньги, а впоследствии попытаться их вернуть, добавив некоторые мерзкие, негативные подробности. Тем самым они бы привлекли к себе обывателей и заронили бы в их головы нехорошие мысли, а то и злобу, ненависть, зависть. Тогда как нужные нам журналисты напишут интересные статьи, люди будут читать, слушать, смотреть только их, и соответственно только их выводы и нужная мораль осядут в сознании миллиардов подданных Оилтонской империи.

Вроде как некрасиво спекулировать на таком деле, как свадьба близкого друга, но иначе никак! Раз уж находимся фактически на самом острие тех, кто формирует внутреннюю и внешнюю политику, старается изжить укоренившиеся пороки, борется с негативными тенденциями и пропагандирует здоровый патриотизм, то мы просто обязаны не упустить ни малейшей возможности для консолидации народа, для его правильного воспитания и формирования должных интересов развития.

Вот мы и не упускали. Вот мы и старались.

Глава 10

Там же

А мой план рабочего дня консьорта был выполнен пока только на треть. Все основные официальные встречи, диспуты и совещания были запланированы на послеобеденное время. Мы с Патрисией согласовали время нашего обеда заранее, вставив его в небольшое «окошко» нашего дневного распорядка. Неважно, что на час раньше обычного, зато побудем вместе.

К сожалению, и это не получилось. В смысле: пообедать наедине. Потому что на выходе из конференц-зала меня перехватил один из моих многочисленных секретарей:

– Ваше сиятельство! К вам гость!

Обращались они ко мне в кулуарах и коридорах несколько проще, на чем я сам категорически настоял. Потому что к обращению «ваше императорское величество» никак не мог привыкнуть, постоянно вздрагивал и смотрел по сторонам, выискивая это самое величество. Другой вопрос, что и обращение по имени тут никак не прокатывало, субординация и положение не позволяло. А уж древние церемониймейстеры да главный оплот рода Реммингов маркиз Винселио Грок и некоторые прочие радетели за правила и соблюдение традиций вообще меня чуть живьем не съели за недопустимое, как они кричали, панибратство с подчиненными. Так что пришлось остановиться на компромиссном варианте. Раз уж я вдруг урожденный герцог, то пусть будет «сиятельство». Все-таки и проще, и короче.

– Откуда свалился и кто такой?

– Барон Артур Аристронг.

– Ха! Здорово! Вот уж шустрый парень, ждал его только к вечеру. Ладно, веди его светлость в нашу столовую, и пусть там сервируют еще для одного.

Я поспешил предупредить императрицу, что обедать мы будем не одни. Она выходила из ванной комнаты и при виде меня, стремившегося ее обнять, надула губки:

– Мне уже показалось, что ты про меня забыл! На две минуты опоздал!

– Неправда! Еще целая минута до начала обеда! – парировал я, внес ее в ванную обратно, поставил и начал мыть руки. – Ты знаешь, кто к нам в гости прибыл? Артур Аристронг! Ну и я его пригласил с нами пообедать. Заодно прокрутим его с нашим сватовством. Иного времени просто нет... Ты не против?

Моя любимая смиренно вздохнула:

– Разве я в этом дворце что-то решаю?..

– Ну да... помню твое отношение к Артуру! – Я попытался грозно нахмуриться.

Супруга дернула плечиком:

– Ты о чем?

– Думаешь, я забыл, как ты сидела у него на коленях почти голая и позволяла себя щупать?

Она прямо вся порозовела от возмущения, а может, и от смущения:

– Ну, ты нахал! При чем тут Артур? Ведь это был ты!

– Но ты думала, что он!

– Неправда! Я тебя сразу узнала! – горячилась моя любимая, готовая меня разорвать уже тянувшимися ко мне пальчиками, но не допустить сомнений в ее целомудрии. – Как тебе не стыдно?!

– А почему это мне должно быть стыдно? – сделал я невинные глаза, опять подхватил императрицу и практически понес в малую столовую. – Это ведь не я сидел у него на коленях!

Был такой очаровательный момент в наших отношениях, когда в ресторане «Фаворит» я скрывался под внешностью Артура, а моя принцесса явилась под маской танцовщицы. Ну и я тогда всласть поизмывался над ней, от всей души показывая, насколько в нее влюблен и тем самым лишая воли к сопротивлению. Она чувствовала, что это я, и поддавалась искушениям, а я этим бесстыже

пользовался, получая ни с чем не сравнимое удовольствие.

Сейчас услада моего сердца не знала, что вытворить, чтобы я перестал возводить напраслину на ее доброе имя и не смел больше вспоминать подобные неувязки, из которых при желании можно было раздуть какой угодно компрометирующий материал. Она даже рассердилась и попыталась вырваться из моих объятий, но я успел ее утихомирить, прошептав на ушко:

– Сладкая моя, я от тебя без ума! Люблю! И ночью не лягу спать, пока тебя не дождусь!

Ее гнев сразу улетучился, глаза перестали опасно щуриться, и она только выдохнула надутыми капризно губками два нехороших слова в мой адрес:

– Аферист-наговорщик!

Мы сели за стол, и я потряс колокольчиком. Тотчас две других двери открылись, и наше краткое одиночество закончилось. Через одни двери камердинеры стали вносить блюда, а через вторые секретарь провел нашего старого и знаменитого на всю империю друга:

– Ваше императорское величество! Его светлость барон Аристронг!

На долгие расшаркивания у нас не было времени, поэтому мы поздоровались кратко, со смехом двинули друг друга по плечам, тут же уселись, и я со всей присущей именно нынешнему конурту строгостью отослал из столовой всех посторонних. До сих пор не могу привыкнуть к подмеченным сценкам, когда вокруг высшей знати суетится обслуживающий персонал, а «лица высшего общества» могут вести при этом страшно секретные разговоры, а то и обсасывать интимные подробности совокупления друг с другом.

Я же быстро приучил слуг к железной, не хуже чем в Дивизионе, дисциплине: движение кисти, и все бегом убрались из помещения, а двери за собой плотно закрыли. Во-первых, я обожал находиться со своей любимой наедине и лично накладывать ей вкусности в тарелку. Она тоже не гнушалась за мной поухаживать. Ну и, во-вторых, как вот в данном случае, у нас всегда было о чем посекретничать с теми, кого мы приглашали на такие чисто семейные трапезы.

Я взглянул на своего, не побоюсь этого слова, воспитанника и ученика:

– Ну, рассказывай, с какими проблемами прибыл?

Артур чистосердечно удивился:

– Я тебе поражаюсь! Ну, какие могут быть у меня проблемы?! Выхожу в любое людное место нашей империи, поднимаю руку (и то не всегда!), а все окружающие уже смотрят мне в рот и готовы только из дружеского расположения выполнить любое мое пожелание. Все хотят со мной дружить, красивые женщины переспать, а деловые люди обещают миллионные прибыли и долю в любом деле, лишь бы я дал право вписать свое имя в первую строчку пайщиков или акционеров. А уж без приветственных криков в спину и счастливых женских взвизгов я теперь и шагу ступить не могу. Честно говоря, иногда утомляет такое внимание.

Моя супруга тут же нравоучительно заметила:

– А нечего разрешать пользоваться своим именем, внешностью и титулом кому ни попадя! Впредь тысячу раз подумаешь, чем на такое согласиться!

Она, конечно же, ерничала. Хотя никто в мире не мог предположить изначально, к чему приведет моя изумительная гримировка с помощью Бульки, а потом и удивительные события, с нами произошедшие. Притворяясь Артуром, я прошел все отборочные испытания, победил всех своих соперников и стал кандидатом номер один на место супруга Патрисии Ремминг. При этом меня пытались убить раз сто, врагов погибло человек триста, а болеть за меня и переживать стала вся наша огромная империя, а также, благодаря верному освещению моей тогдашней деятельности прессой, и четверть всей Галактики. Да еще и напоследок я своим выступлением устроил скандал. Вместо того, чтобы мчаться лобызать свою завоеванную по всем правилам уникального отбора суженую, я выступил с речью и отказался от такой высокой чести. Еще и по-рыцарски объявил, что, дескать, Тантоитан мой учитель, меня научил всему, а значит, сильнее меня и более достоин обладать наследницей престола. Ну и напомнил, что принцесса и лучший воин современности (это я так загибал о себе, любимом) любят друг друга и мечтают соединить свои сердца навечно.

Что потом было! Случившееся даже скандалом назвать язык не поворачивался. Народ выплеснулся на улицы, начались стихийные митинги, понеслись требования самых полярных толков, среди которых заставить жениться барона Аристронга на принцессе или лишить его наследства (во всех смыслах!) – были еще не самыми крайними. Местами начались спонтанные погромы, гигантские драки между сторонниками разного мнения... Пришлось поднимать по высшему приоритету боевой тревоги все силы правопорядка, задействовать резервистов и местами даже для успокоения масс подключать армию. Дошло до того, что стали говорить о фальсификации всего проходившего отбора и требовать казнить за это всех троих. То есть меня, Артура и с какого-то перепуга еще и Патрисию.

Хорошо, что мы вовремя общим мозговым штурмом сообразили, что делать, и дали по всей империи экстренное сообщение. Мол, в такое-то время перед видеокамерами в прямом эфире выступят ее высочество Патрисия Ремминг и ее возлюбленный, герой хаитанских событий, герой сопротивления Вторжению – памятной всем попытки пиклийцев захватить столицу, неоднократный спаситель как самой империи, так и представителей семьи Реммингов. И они сами расскажут о своей романтической любви. О подвигах Тантоитана Парадорского вспомнили все и сразу, и, конечно же, всем стало интересно, что такого скажет бравый воин, которого в любом случае можно было считать одним из лучших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/yuriy-ivanovich/neuemnyy-konsort>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)